

БЕРНАР

МИНЬЕР

ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕМИИ ELLE

Майор Мартен Сервас

Бернар Миньер

Круг

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

Миньер Б.

Круг / Б. Миньер — «Эксмо», 2012 — (Майор Мартен Сервас)

ISBN 978-5-04-105539-4

ОБЛАДАТЕЛЬ ПРЕМИИ ELLE 2013 БЕСТСЕЛЛЕР №1 ВО ФРАНЦИИ
Этим романом Миньер окончательно закрепил за собой репутацию автора №1 французского триллера и живого классика жанра. Его книги о Мартене Сервасе изданы во Франции тиражом более 3 миллионов экземпляров и переведены более чем на 20 языков, а компания Netflix сняла по ним сериал. Из затерянной в горах психиатрической клиники, где содержатся опаснейшие психопаты, маньяки и серийные убийцы, сбежал самый опасный из них – Юлиан Гиртман. Полтора года он ничем не давал о себе знать. Но однажды в маленьком элитном городке Марсак на юго-западе Франции неизвестный преступник жестоко и изощренно убивает преподавательницу местного лицея. Все следы указывают на участие в этом кошмаре Гиртмана, во всем просматривается его индивидуальный почерк. Однако майор Сервас, расследующий это убийство, постепенно начинает подозревать, что улики, указывающие на Гиртмана, – лишь фикция, отлично срежиссированный мрачный спектакль, цель которого – запутать его, Мартена Серваса, и навести на ложный след. Но кто же разыгрывает этот спектакль? Сам Гиртман, всегда тяготевший к рискованным играм, – или кто-то искусно копирует маньяка?.. «Миньер – это огромный талант рассказчика и умение вселить в душу читателя страх; не хуже, чем у Стивена Кинга в его лучших романах». Daily Mail «За последние несколько лет Франция дала миру ряд замечательных писателей-детективщиков. Бернар Миньер – один из лучших». Sunday Times

УДК 821.133.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-105539-4

© Миньер Б., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	7
Пятница	9
1. Куклы	9
2. Раймон	12
3. Марсак	17
4. Место преступления	22
5. Охота на снарка	26
6. <i>Amicus Plato sed majoramicus veritas</i>	29
7. Марго	36
8. Музыка	39
9. Белизна	43
Суббота	47
10. Воспоминания	47
11. Друзья и враги	48
12. Ван Акер	55
Интермедия 1. Надежда	61
13. Элвис	65
14	71
15. Северный берег	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Бернар Миньер

Круг

Цивилизованные личности, те, что прячутся за культурой, искусством, политикой... и даже правосудием, – именно таких и стоит опасаться. Они идеально маскируются, но нет никого более жестокого. Эти люди – самые опасные существа на Земле.

Майкл Коннелли, Последний койот

Пролог В могиле

Ее сознание обратилось в крик.

В стон.

Мысленно она кричала от отчаяния, выплескивая свою ярость, муку, одиночество... – все то, что месяц за месяцем отнимало у нее человеческую сущность.

А еще она умоляла.

«Пощадите, пощадите, пощадите, пощадите... выпустите меня отсюда, умоляю вас...»

Мысленно она кричала, молила и рыдала. Но только мысленно, не издавая ни единого звука. Однажды утром она проснулась и поняла, что не может издать ни звука. Онемела... Она, всегда так высоко ценившая способность самовыражения, легко находившая слова, она, обожавшая говорить и смеяться...

Лежа в темноте, она сменила позу, чтобы снять мышечное напряжение. Она сидела на земляном полу, спиной к каменной стене, иногда ложилась навзничь или растягивалась на валявшемся в углу грязном матрасе. Большую часть дня она спала, свернувшись калачиком, а когда вставала – потягивалась или «гуляла» по своему застенку: четыре шага туда, четыре – обратно. В камере было темно: по непрестанному гулу, шипению и дребезжанию она давно поняла, что за дверью находится котельная. Одежды на ней не было. Давно. Месяцы, а может, годы. Она стала похожа на голую зверушку. Нужду она справляла в ведро, еду получала дважды. Если же он отлучался, она много дней проводила в одиночестве, без еды и питья, страдая от жажды и терзаясь страхом смерти. В двери было два окошка: одно – внизу, через него он передавал пленнице тарелки с едой, другое, для слежки за ней, – в центре. Свет, проникавший сквозь щели, рассеивал темноту камеры. Ее глаза успели привыкнуть к полумраку и различали мельчайшие детали на полу и стенах, которые обычный человек ни за что бы не заметил.

В самом начале заточения она тщательно обследовала свою клетку, прислушиваясь к малейшему шуму, пыталась найти способ бегства, слабое место или упущение в его системе, а потом отступилась. Слабых мест попросту не существовало, и надежда умерла. Она не помнила, сколько недель, месяцев прошло с момента ее похищения. Со времен прежней жизни. Примерно раз или два в неделю он приказывал пленнице высунуть руку в окошко и делал ей укол в вену. Она всегда испытывала боль: препарат в шприце был вязким, а медицинских навыков мучитель явно не имел. Она почти сразу теряла сознание, а в себя приходила уже наверху, в столовой, в тяжелом кресле с высокой спинкой. Он *купал* ее, *одевал*, *обрызгивал духами* и крепко привязывал к сиденью. Ее волосы благоухали дорогим шампунем, изо рта не воняло, а пахло зубной пастой и ментоловым освежителем дыхания. В камине потрескивали дрова, на столе темного лакированного дерева горели свечи, восхитительно пахла еда на тарелках. Из стереосистемы доносилась классическая музыка. Стоило пленнице услышать первые такты симфонии, увидеть мерцание свечей, ощутить прикосновение чистой одежды к коже, и у нее начиналось слюноотделение – как у собаки Павлова. Перед каждым таким «свиданием» он сутки не кормил и не поил ее.

По болям внизу живота она всегда узнавала, что он воспользовался ее беспомощным состоянием. На первых порах она ужасалась совершённого насилия, и ее долго и мучительно рвало, когда она приходила в себя в погребке после «званого ужина». Теперь это перестало иметь значение. Иногда встреча с извергом проходила в полной тишине, в другие разы он говорил не закрывая рта, но она редко слушала: ее мозг утратил способность следить за чужой мыслью и поддерживать беседу. Слова «музыка», «симфония», «оркестр» главенствовали в разговоре, как и имя Малера.

Как давно она находится в заточении? В ее могиле не существовало ни дня, ни ночи. Да, именно в могиле – в глубине души она точно знала, что живой отсюда не выйдет.

Она вспоминала то восхитительное, простое – лучшее – время своей жизни, когда была свободна. Когда в последний раз смеялась, звала на ужин друзей, навещала родителей, обоняла запах летнего барбекю, любовалась вечерним светом в саду и смотрела на закате в глаза сыну. Лица, смех, игры... Она не могла забыть, как занималась любовью с мужчинами, в особенности с одним... То банальное существование, которое на самом деле было чудом. Как же она теперь сожалела, что так мало им наслаждалась! Теперь она ясно осознавала, что даже пережитые тогда печаль и боль – ничто в сравнении с нынешним адом. С небытием в этом забытом богом и людьми месте. За пределами нормального мира. Она догадывалась, что от реальности ее отделяют всего несколько метров камня, бетона и земли, но даже сотни дверей, километры коридоров и решеток не смогли бы надежнее отгородить ее от людей.

Однажды жизнь и мир оказались на расстоянии вытянутой руки от нее. По какой-то неизвестной причине ему пришлось срочно перевезти ее в другое место. Он спешно одел пленницу, сковал заведенные за спину руки пластиковыми наручниками и нахлобучил на голову полотняный мешок, после чего потащил за собой вверх по лестнице, и она оказалась на свежем воздухе. *На свежем воздухе...* Потрясение было таким сильным, что она едва не лишилась рассудка.

Она ощутила на обнаженных руках и плечах ласку солнца, угадала свет через плотную ткань мешка. Вдохнула запах земли и влажных полей, аромат цветущих кустов, услышала птичий гвалт на рассвете и с трудом удержалась на ногах, а мешок промок от слез и соплей.

Потом он уложил ее на дно багажника, и в нос ударил запах выхлопных газов и дизельного топлива. Кричать она не могла – он предусмотрительно заткнул ей рот кляпом и заклеил пластырем, а запястья привязал к лодыжкам, чтобы она не била ногами в перегородку. Заурчал мотор, машина тронулась, покатила по неровной дороге, а потом выехала на шоссе – она поняла это, когда он неожиданно прибавил скорость и их стали обгонять другие машины.

Но худшей мукой оказался проезд через пункт уплаты дорожной пошлины. Вокруг звучали голоса, музыка, шум двигателей – *совсем близко...* там, за перегородкой. Десятки человеческих особей. Женщины, мужчины, дети... Всего в нескольких сантиметрах от нее! Она их слышала!.. На нее обрушился вихрь эмоций. Они смеялись, разговаривали между собой, ходили туда-сюда – живые и свободные. И ничего не знали о том, что она так близко и погибает медленной смертью, ведь ее рабское существование могло продлиться сколь угодно долго... Она так сильно билась головой о металлические стенки, что у нее из носа пошла кровь.

А потом она услышала, как ее палач произнес «спасибо» и грузовичок продолжил свой путь в неизвестность. Ей хотелось кричать.

В день «переезда» стояла хорошая погода. Она почти не сомневалась, что все вокруг цветет. *Весна...* Сколько еще смен времен года ей осталось пережить? В какой момент она лишится рассудка, надоеет ему и он ее убьет? Внезапно она ясно поняла, что друзья, близкие и полиция считают ее мертвой: только одно существо на земле знает, что она все еще жива, – демон, змей, *инкуб*. Она никогда больше не увидит света дня.

Пятница

1. Куклы

*То было там, в тенистом саду,
Тень расчетливо притаившегося убийцы,
Тень на тени на траве, бледно-зеленой
На фоне кроваво-красного вечера.
В деревьях заливался соловей,
Бросая вызов Марсию и Аполлону.
В глубине сельский декор
Дополняла беседка, сплетенная
Из ветвей омелы...*

Оливер Уиншоу перестал писать. Моргнул. Что-то привлекло – вернее, отвлекло – его внимание, мелькнув в поле зрения. Через окно. Вспышка молнии, похожая на блик фотоаппарата.

Вокруг Марсака бушевала гроза.

Этим вечером, как и во все остальные вечера, он сидел за рабочим столом и писал. Сочинял стихотворение. Его кабинет находился на втором этаже дома, который они с женой купили на юго-западе Франции тридцать лет назад. Обшита дубовыми панелями комната, практически целиком заполненная книгами, в основном томами британской и американской поэзии XIX и XX веков: Кольридж, Теннисон, Роберт Бёрнс, Суинберн, Дилан Томас, Ларкин, Каммингс, Паунд...

Он знал, что ни за что не приблизится к высотам, которых достигли его «боги домашнего очага», но это не имело значения.

Оливер никогда никому не давал читать свои стихи. Он вступил в зимнюю пору жизни – даже осень осталась позади. Скоро он разведет в саду большой костер и бросит в огонь сто пятьдесят тетрадей в черной обложке. Больше двадцати тысяч стихотворений. Одно в день в течение пятидесяти семи лет. Наверное, ни один секрет в жизни он не хранил так тщательно. Даже вторая жена не удостоилась права прочесть стихи Оливера.

Он даже теперь не понимал, в чем черпал вдохновение. Вся его жизнь была долгой чередой дней, каждый из которых заканчивался стихотворением, написанным в вечерней тишине кабинета. Все они были пронумерованы. Он мог в любой момент найти то, которое написал, когда родился его сын, то, что сочинил в день смерти первой жены, и то, что сочинил в день отъезда из Англии во Францию... Он часто ложился спать в час или два ночи – даже в те времена, когда еще работал, потому что вообще спал мало, а преподавание английского языка в университете Марсака не слишком его утомляло.

Оливер Уиншоу готовился отпраздновать девяностолетие.

Этого спокойного элегантного старика знали все в округе. Как только он поселился в этом маленьком живописном городке, ему сразу дали прозвище Англичанин. Это было задолго до того, как его соотечественники саранчой налетели на старинные камни Марсака и окрестностей и прозвище утратило актуальность. Но теперь, с началом экономического кризиса, англичане стали уезжать из Франции туда, где лучше платили, – например, в Хорватию или Андалузию, и Оливер задавался вопросом, проживет ли он достаточно долго, чтобы снова стать единственным Англичанином из Марсака.

По пруду с кувшинками
Скользит тень без лица,
Угрюмый тонкий профиль,
Подобный тонко заточенному лезвию...

Оливер снова прервался.

Музыка... Ему почудились звуки музыки, перебивающие шум дождя и сотрясающие небосвод раскаты грома. Играла не Кристина – она давно спала и видела сны. Да, классическая мелодия доносилась с улицы...

Старик досадливо поморщился. Гроза не стихала, окно кабинета было плотно закрыто, значит, звук включен на полную мощность. Он попытался сосредоточиться на работе, но проклятая музыка сбивала с мысли!

Уиншоу снова перевел взгляд на окно, пытаясь унять раздражение. Отблески молний сверкали сквозь шторы, струи дождя веревками хлестали по стеклу. Гроза как будто вознамерилась заключить городок в жидкий кокон и отрезать его от остального мира.

Оливер оттолкнул стул, встал, подошел к окну и раздвинул жалюзи: вода из центрального желоба извергалась на мостовую. Покрывало ночи над крышами то и дело подсвечивалось тонкими штрихами молний, похожими на фосфоресцирующую кривую сейсмографа.

В окнах дома напротив горел свет – во всех без исключения. Может, там вечеринка? Этот дом с садом, защищенный от любопытных взглядов высокой оградой, принадлежал одинокой женщине, она преподавала в Марсакском лицее – вела крайне популярный факультатив в подготовительном классе. Красивая женщина. Стройная элегантная брюнетка в расцвете тридцати лет. Сорок лет назад Оливер мог бы за ней поухаживать. Ее сад находился прямо под окном его кабинета, и он иногда подглядывал, как она загорает в шезлонге. Нет, здесь определенно что-то не так. Свет зажжен во всех комнатах, а входная дверь распахнута, так что виден залитый дождем порог.

А за стеклами – никого.

Балконные двери, ведущие из гостиной в сад, хлопали на ветру, как дверцы салуна, так что косой дождь заливал пол. Оливер мог видеть, как тяжелые капли бьют по плитам террасы, пригибают к земле травинки на лужайке.

Музыка совершенно определенно звучала из дома напротив... У Оливера участился пульс. Он медленно перевел взгляд на бассейн.

Одиннадцать метров в длину, семь в ширину, выложен плиткой песочного цвета. Вышка для прыжков.

Старик ощутил смутное возбуждение: так бывает, когда нечто непривычное нарушает рутинный уклад жизни, а он был глубокий старик и все его существование превратилось в рутину. Оливер окинул взглядом сад вокруг бассейна, переходивший в дальней своей части в Марсакский лес – 2700 гектаров деревьев и тропинок. Между садом и лесом не было ни каменного забора, ни решетки – только живая изгородь. На другом конце бассейна, справа, стоял невысокий пул-хаус¹.

Оливер прищурился и взглянул на бассейн, на поверхность воды, колымавшуюся под струями ливня, и внезапно понял, что видит... кукол. Он не ошибался, и, хотя это были всего лишь куклы, ему стало не по себе. Они раскачивались на воде, их светлые платица промокли от дождя. Однажды соседка пригласила чету Уиншоу на кофе. Французская жена Оливера была по профессии психологом, и у нее имелась теория насчет огромной коллекции кукол в доме тридцатилетней холостячки. Она сказала мужу, что их соседка – «женщина-ребенок». Оливер попросил объяснить поподробней и услышал в ответ слова «незрелая», «избегающая

¹ Пул-хаус (pool-house – *англ.*) – дом, построенный специально для отдыха у воды, рядом с бассейном.

ответственности», «беспокоящаяся только о собственных удовольствиях», «пережившая эмоциональную травму». Оливер сдался: он всегда предпочитал поэтов психологам. Но что, черт побери, делают в бассейне эти куклы? И где хозяйка дома?

Оливер Уиншоу отодвинул задвижку, открыл окно, и воздух в комнате сразу пропитался влагой. Косой дождь хлестал в лицо, и он моргал, вглядываясь в пластмассовые личики с застывшим взглядом.

Теперь старик ясно различал мелодию. Он слышал ее раньше, но не мог узнать, хотя точно знал, что это не его любимый Моцарт.

Боже... Что означает весь этот бред?

Вспышка молнии прорезала ночь, глухо пророкотал гром, вздрогнули стекла в оконных переплетах. Молния, уподобившись лучу мощного прожектора, позволила Оливеру разглядеть, что кто-то сидит на краю бассейна, ногами в воде. Тень от росшего в центре сада огромного старого дерева скрывала его от глаз окружающих. *Молодой человек...* Чуть подавшись вперед, он созерцал нелепый кукольный парад на воде. Оливер находился на расстоянии метров пятнадцати, не меньше, но угадал потерянный, блуждающий взгляд незнакомца, его безвольно приоткрытый рот.

Сердце Оливера Уиншоу билось о стенки грудной клетки, как неистовый ударник-джазист. *Что там происходит?* Он подбежал к телефону и сорвал трубку с рычага.

2. Раймон

– Анелька – ничтожество, – вынес «приговор» Пюжоль.

Венсан Эсперандье посмотрел на коллегу: он бы не взялся утверждать, чем вызвано столь жестокое суждение – тусклой игрой форварда, цветом его кожи или тем фактом, что тот был уроженцем маленького городка неподалеку от Парижа. Пюжоль терпеть не мог такие поселения и их обитателей.

Впрочем, Эсперандье не мог не признать, что на сей раз Пюжоль попал в точку: Анелька – полное барахло. Ноль. Тупица. Как, Впрочем, и вся остальная команда. Ее первая игра на чемпионате – сущее несчастье и полное безобразие, но Мартену на это, судя по всему, плевать с высокой колокольни. Эсперандье улыбнулся: он был уверен, что его патрон даже не знает фамилии главного тренера сборной, которого уже много месяцев осмеивает и проклинает вся Франция.

– Доменек² – чертова никчемная бездарь, – произнес Пюжоль, как будто прочитав мысли Венсана. – В две тысячи шестом мы вышли в финал только потому, что Зидан с ребятами взяли на себя руководство командой.

Никто не возразил, и сыщик начал пробираться через толпу, чтобы взять еще пива. Бар трещал по швам от посетителей. 11 июня 2010-го. Открытие и первые встречи Чемпионата мира по футболу в ЮАР. Счет после первого тайма в матче Уругвай – Франция – 0:0. Венсан снова посмотрел на патрона – тот не отводил взгляд от экрана. Пустой взгляд. Майор Мартен Сервас лишь делал вид, что смотрит игру, и его заместителю это было отлично известно.

Сервас не только не смотрел игру, но и терзался вопросом, зачем вообще пришел сюда.

Он хотел потрафить своей группе. Уже много недель все разговоры в Отделе уголовных расследований велись исключительно о футболе. Форма игроков, скучные товарищеские встречи, унижительное поражение от китайцев, состав сборной, слишком дорогой отель. Сервас не был уверен, что Третья мировая война взволновала бы коллег сильнее. Он надеялся, что уголовный мир тоже озабочен футбольными проблемами и кривая преступности снизится без постороннего вмешательства.

Он отхлебнул пива из принесенного Пюжолем стакана. Начался второй тайм. Маленькие фигурки игроков в синей форме продолжали бессмысленные и непродуктивные перемещения по полю. Сервас не был тонким знатоком футбола, но действия нападающих казались ему до крайности неумелыми. Он где-то читал, что расходы на транспорт и расселение команды обойдутся Федерации футбола Франции в миллион евро, и задавался вопросом, обойдется ли она собственными средствами или «залезет в государственный карман» налогоплательщиков. Впрочем, всю остальную компанию добросовестных налогоплательщиков эта проблема волновала явно меньше, чем хроническое отсутствие результативности. Сервас сделал попытку вернуться к происходящему на экране. Из телевизора доносился на редкость противный неумолкающий гул, похожий на жужжание огромного пчелиного роя. Ему объяснили, что этот шум производят тысячи южноафриканских болельщиков, отчаянно дудя в дудки. Сервас не понимал, как люди на трибунах не сходят с ума от подобного бедлама: даже приглушенный микрофонами и смягченный техническими ухищрениями звук мог кого угодно довести до иступления.

Внезапно свет в баре замигал, по экрану пошли помехи, и картинка исчезла. Зрители возмущенно загудели, но изображение тут же восстановилось. Гроза... Она кружила над Тулу-

² Раймон Доменек – французский футболист и тренер. Обладатель рекорда по количеству матчей, проведенных сборной Франции под его руководством. Доменек был уволен с этого поста по окончании Чемпионата мира 2010 года в ЮАР.

зой, как стая ворон. Сервас ухмыльнулся, представив себе погружившийся в темноту бар и лишившихся футбольного наслаждения зрителей.

Он и сам не заметил, как вернулся мыслями к привычной, но оттого не менее опасной теме. Юлиан Гиртман не подавал признаков жизни уже восемнадцать месяцев...³ Ровно восемнадцать – но не было дня, чтобы сыщик о нем не думал. Швейцарец сбежал из Института Варнье⁴ зимой 2008—2009-го, через несколько дней после визита Серваса. Во время этой встречи в камере майор сделал изумившее его открытие: у них с бывшим прокурором Женевы была общая страсть – музыка Малера. А потом один из них совершил побег, а другого завалило лавиной.

«Восемнадцать месяцев», – подумал он. Пятьсот сорок дней и столько же ночей, когда ему несчетное число раз снился один и тот же кошмар. Лавина... Он погребен в саркофаге из снега и льда, воздух заканчивается, руки и ноги онемели от холода, и тут его тела касается щуп: кто-то в бешеном темпе машет лопатой, отбрасывая снег. Его ослепляет свет, он жадно, раззявив рот, глотает морозный воздух. В проеме возникает чье-то лицо. Это Гиртман. Швейцарец хохочет, бросает: «Прощай, Мартен!» – и снова закапывает его...

Мелкие детали жуткого сна менялись, но заканчивался он всегда примерно одинаково.

Серваса спасли, он выжил, но продолжал умирать в своих кошмарах. Часть его существа действительно умерла той страшной ночью в горах.

Чем занят Гиртман в данный конкретный момент? Где он обретается? Мартен внутренне содрогнулся, вспомнив величественный заснеженный пейзаж... горы головокругительной высоты, хранящие покой затерянной долины... здание с толстыми стенами... засовы, шелкающие в глубине пустынных коридоров... И дверь, за которой звучала знакомая музыка: Густав Малер, любимый композитор Серваса – и Юлиана Гиртмана.

– Лучше поздно, чем никогда, – буркнул Пюжоль, и Сервас рассеянно взглянул на экран. Один игрок покидал поле, другой выходил на замену. Очевидно, это и был тот самый Анелька. В левом верхнем углу экрана было обозначено время – 71-я минута матча – и счет – 0:0, что, по всей видимости, и повысило градус напряжения в баре. Сосед Серваса, толстяк весом килограммов сто тридцать, обильно потевший в рыжую бороду, фамильярно похлопал его по плечу и произнес, дыша в лицо алкогольными парами:

– Будь я главным тренером, дал бы всем этим бездельникам хорошего пинка по заднице! Жалкие неудачники, даже на чемпионате мира еле ноги по полю таскают.

«Интересно, много ли двигается сам жирдяй, – подумал Мартен. – Наверняка ходит не дальше этого бара, да еще в магазинчик на углу, за пивом!»

Он спросил себя, почему не любит смотреть спорт по телевизору. Неужели из-за того, что его бывшая жена Александра не пропускала ни одной игры любимой команды? Они прожили вместе семь лет, хотя Сервас всегда, с самого первого дня, был уверен, что долго их брак не продлится. Они все-таки поженились – и продержались целых семь лет. Сервас и сегодня не понимал, почему они так долго не желали смириться с тем очевидным фактом, что подходят друг другу не больше, чем фанатик-талиб и шлюха. Что осталось от их союза? Восемнадцатилетняя дочь. Но Сервас гордился своей дочерью. Да, именно так – гордился. Ему не всегда нравилось, как она одевается и красится, он терпеть не мог ее пирсинг и дикие прически, но похожа Марго была именно на *него*, а не на мать. Как и он, она любила читать, как и он, поступила на самое престижное подготовительное отделение по литературе в Марсаке. Лучшие студенты приезжали сюда учиться даже из Монпелье и Бордо.

³ Здесь и далее: в романе часто упоминаются события, описанные автором в романе «Лед» (М.: Эксмо, 2012).

⁴ Психиатрическая клиника.

По трезвом размышлении он не мог не признать, что его в сорок один год волновали только две вещи: работа и дочь. А еще книги... Но книги – другое дело, книги – не центр существования, но *вся* его жизнь.

Может ли человек довольствоваться любимым делом и ребенком? Из чего складывается жизнь других людей? Сервас заглянул в опустевший, с остатками пены на стенках, стакан и решил, что пора остановиться. Нужно было немедленно облегчиться, и он направился в сортир. Дверь была грязной до омерзения. У писсуара спиной к нему стоял лысый мужик и шумно мочился.

– Не сборная, а инвалидная команда, – произнес он, когда сыщик начал расстегивать ширинку. – Без стыда не взглянешь.

Он закончил и вышел, не утрудив себя мытьем рук, а Мартен долго и тщательно намыливал ладони, полоскал под краном, потом подставил их под сушку; выходя же, нажал на ручку локтем – из брезгливости.

Когда Сервас вернулся на свое место, матч близился к концу, но счет остался прежним, а зрители достигли точки кипения: они были оскорблены в лучших чувствах. Сервас решил, что если все пойдет так и дальше, произойдут народные волнения.

Его соседи изрыгали проклятия и зывали к игрокам, не сводя глаз с экрана:

– Ну давай же, давай!

– Отдай мяч, кретин, да отдай же мяч!

– На правый фланг, на пра-авый!

Это означало, что игра наконец оживилась. И тут в кармане Серваса завибрировал мобильник. Он достал телефон – не навороченный смартфон, а старую добрую модель фирмы «Nokia». Сообщение было переадресовано на голосовую почту.

Сервас набрал номер.

И застыл.

Голос в телефоне... Он узнал его через полсекунды. Полсекунды вечности. Пространство-время сжимается – так, словно двадцать лет, прошедшие с их последнего разговора, пролетели за два такта биения сердца. От звука этого голоса у Серваса скрутило желудок; ему на мгновение показалось, что комната начинает кружиться. Крики одобрения и гул *вувузел*⁵ стихли, потерялись в тумане. Настоящее съезжилось до размеров атома.

«Мартен? Это я, Марианна... Пожалуйста, позвони мне. Это очень важно. Умоляю, позвони, как только получишь это сообщение...»

Голос возник из прошлого – и в нем был страх.

Самира Чэн бросила кожаную куртку на кровать и взглянула на толстяка, который курил, лежа в подушках.

– Мне пора на работу, так что давай одевайся и отваливай.

Мужчина был лет на тридцать старше Самиры, но ее не смущали ни его возраст, ни жирный живот, ни седые волосы на груди. *Они отлично порезвились*, остальное значения не имело. Она и сама не была записной красавицей и уже в лицее поняла, что большинство мужчин считают ее уродиной. Нет, не так: уродливым они находили только ее лицо, зато тело – невероятно сексуально-притягательным. Это двойственное чувство заставляло чаши весов склоняться то в одну, то в другую сторону. Любовников у Самиры Чэн было великое множество: она давно усвоила, что красавчики – вовсе не обязательно лучшие любовники; ей нужен был крутой секс, а не Прекрасный Принц.

⁵ Вувузела – рожок длиной до метра, ставший широко известным во время Чемпионата мира по футболу – 2010. Вувузела издает монотонный, мерзкий, «грязный» шум, напоминающий гудение мух над кучей объедков. Одна дудка способна сделать человека глухим. В результате футболисты чувствуют себя как на космодроме, а комментаторы не могут перекрыть этот ад. Даже у телезрителей потом целый день гудит в голове.

Широкая кровать угрожающе закрипела, когда пузатый любовник Самира выпростал ноги из-под простыни и потянулся за своей одеждой, брошенной на стуле рядом с высоким зеркалом. Паутина, пыль, барочная люстра, подвешенная к балке (лампочки горели через одну), тростниковые циновки, комод и шкаф в испанском стиле, найденные у торговцев подержанными вещами, занимали остальное пространство. Самира надела трусы, натянула футболку и исчезла в устроенном в полу люке.

– Водка или кофе? – крикнула она снизу.

Самира проскользнула на маленькую, тесную, как камбуз, кухню, выкрашенную в красный цвет, и включила кофеварку. Дом был погружен в темноту – горела только лампочка над головой Самира. Она купила этот старый дом в двадцати километрах от Тулузы всего год назад, не торопясь его реставрировала (выбирая случайных любовников по «профессиональному» принципу: электрик, сантехник, каменщик, маляр, кровельщик...), а пока занимала не больше пятой части обитаемого пространства. В комнатах на первом этаже не было никакой мебели – только стремянки у стен и козлы с банками краски и инструментами. Временную спальню Самира оборудовала на чердаке. Она сделала по трафарету надпись серебряными буквами на красной стене: «Посторонним вход на стройку запрещен», а на футболке, обтягивавшей ее маленькую грудь, красовался девиз «I LOVE ME».

Грузный мужчина с трудом спустился по ступенькам лестницы-трапа. Самира протянула ему чашку обжигающе горячего эспрессо, откусила большой кусок от яблока, увядавшего на кухонном столике, скрылась в ванной и пять минут спустя появилась в полной «экипировке». За отсутствием гардероба, все ее тряпки висели на металлических плечиках, под пленкой, белье и футболки лежали в пластиковых ящиках, а десятки пар сапог выстроились в ряд у стены.

Самира надела джинсы с прорезами на коленях, ботинки на плоском каблуке, новую футболку и ремень с заклепками, потом нацепила кобуру с табельным оружием. И камуфляжную парку – на случай дождя.

– Ты еще здесь? – удивилась она, вернувшись в кухню.

Пятидесятилетний толстяк вытер остатки джема с губ и притянул Самира к себе, положив пухлые ладони на ее обтянутую джинсами попку. Она высвободилась и спросила:

– Когда ты займешься душем?

– Не в этот уик-энд. Жена возвращается от сестры.

– Постарайся выбрать время на неделе.

– Это вряд ли.

– Не отремонтируешь – забудь о любовных играх, – пригрозила девушка.

Мужчина нахмурился.

– Ну, может, в среду, после обеда, попробую выкроить часок.

– Ключи будут в обычном месте.

Самира собиралась что-то добавить, но в этот момент раздались звуки электрогитары и жуткие вопли из фильма ужасов. Первые такты композиции «Agoraphobic Nosebleed», одноименной американской грайндкор-группы. Пока она искала сотовый, какофония смолкла, но на экране высветился номер Венсана, потом пришло сообщение: «Перезвони мне».

– Что случилось?

– Ты где? – вопросом на вопрос ответил Венсан.

– Дома, собиралась уходить: я сегодня дежурю. – Весь мужской состав бригады приложил максимум усилий, чтобы в этот вечер сказаться больным. – Ты разве не смотришь матч?

– Нас вызвали...

Срочный вызов. Наверняка дежурный следователь из Дворца правосудия. Невезуха для болельщиков. Впрочем, в суде тоже есть телевизоры. Самира с трудом нашла любовника на этот вечер: футбол возобладал над жаждой утех в койке.

– Вызов из суда? – спросила она. – Что случилось?

– Нет, не из суда.

– А откуда?

Голос Эсперандье прозвучал непривычно напряженно.

– Я все тебе расскажу. Прыгай в машину и присоединяйся к нам. Есть на чем записать адрес?

Нимало не заботясь о терявшем терпение госте, Самаира достала из ящика буфета ручку и листок бумаги.

– Секунду... Давай.

– Диктую адрес, приезжай прямо туда.

– Слушаю.

Собеседник не мог видеть ее лица, но она многозначительно вздернула бровь.

– Марсак? Это же в деревне... *Кто* вас вызвал, Венсан?

– Мы уже выехали, объясним все потом. Поторопись.

За окном сверкнула молния.

– Мы? Кто это – *мы*?

– Мартен и я.

– Ладно. Уже еду.

Она повесила трубку. Что-то было не так.

3. Марсак

Дождь яростно барабанил по крыше машины, танцевал в свете фар, заливал лобовое стекло и дорогу. Он загнал зверушек в их норы, а тех немногих неудачников, которым пришлось ехать по делам в непогоду, заставил держаться на безопасном расстоянии друг от друга. Дождь пришел с запада и обрушился на землю, как армия захватчиков. Авангард варваров объявил о своем появлении свирепыми порывами ветра и блеском молний, после чего леса и дороги затопили потоки воды. Это был не дождь – поток. Они едва различали лесную дорогу и купы деревьев. Молнии то и дело разрывали завесу тьмы, все остальное время единственным источником света оставались фары их собственной машины. Было ощущение, что природный катаклизм затопил обитаемые земли и они движутся по океанскому дну. Сервас смотрел на дорогу. Дворники на ветровом стекле двигались в такт биению его сердца, которое сокращалось в слишком быстром ритме. Они съехали с шоссе на дорогу между холмами, погруженными в черную ночь. Такой непроглядный мрак бывает только на природе, и тридцатилетнему горожанину Эсперандье казалось, будто он заперт в подводной лодке, погружающейся на дно глубокой впадины. Благодарение богу, что патрон не стал выбирать музыку. Венсан вставил в плеер диск «Queens of the Stone Age», и Мартен – в кои-то веки! – не возразил.

Он был слишком занят собственными мыслями.

Эсперандье на мгновение оторвал взгляд от дороги и заметил, что свет фар и движение дворников отражаются в черных зрачках его патрона. Сервас смотрел на асфальт дороги – *и не видел ее*, совсем как экран телевизора в баре. Венсан вспомнил, как изменился Мартен сразу после телефонного звонка. Лейтенант понял, что звонила женщина, давняя подруга Серваса, и сообщила о каком-то происшествии в Марсаке. Больше майор ничего не говорил. Велев Пюжолу оставаться у телевизора, кивком попросил Эсперандье следовать за ним.

Сев в машину, он сказал, что нужно позвонить Самире. Эсперандье не понимал, что происходит. Когда они оказались на платановой аллее у въезда в город и покатали по улочкам старого центра, дождь начал стихать.

– Налево, – скомандовал Сервас, когда они выехали на соборную площадь.

Эсперандье машинально считал пивные, кафе и рестораны. Марсак был университетским городом с населением восемнадцать тысяч пятьсот три жителя и почти таким же числом студентов. Филологический факультет, факультет точных наук, права, экономики и управления, а еще – знаменитое подготовительное отделение. Газетчики, обожающие броские звания, окрестили Марсак «Юго-западным Кембриджем». Для полиции такое нашествие студентов оборачивалось проблемами с вождением в нетрезвом или обкуренном виде, торговлей травкой и амфетаминами, а также общением с отдельными смутьянами. Все это выпадало из круга ответственности уголовного розыска.

– Судя по всему, электричество отключилось из-за грозы.

Улицы были объаты темнотой, погасли даже окна пивных и баров. За стеклами угадывался свет фонариков. «Гроза», – подумал Венсан.

– После сквера второй поворот направо.

Они обогнули маленький круглый сквер, забранный чугунными решетками, и выехали с площади по узкой, мощенной булыжником улице, петлявшей между фасадами высоких домов. Метрах в двадцати различили синий свет мигалок на крышах машин. Жандармерия... *Кто-то их вызвал.*

– Это что еще за цирк? – удивился Эсперандье. – Ты знал, что жандармерия в деле?

Они припарковались за «Рено Трафик» и «Ситроеном С4» полицейской «масти». Струи дождя расстреливали крыши автомобилей. Сервас молчал. Венсан посмотрел на шефа и уди-

вился, заметив, как тот напряжен. Мартен поднял голову, бросил на помощника непроницаемый взгляд и вылез из машины.

Несколько жандармов в плотных брезентовых куртках стоически мокли под дождем. Один из них направился к прибывшим, и Сервас достал свой значок. Жандарм удивленно вздернул брови: бригада уголовного розыска явилась на место преступления, не дожидаясь вызова.

– Кто руководит осмотром? – спросил Сервас.

– Капитан Бекер.

– Он в доме?

– Да, но я не знаю, можно ли...

Сервас, не дослушав, пошел к двери.

– МАРТЕН!

Он повернул голову и увидел припаркованную чуть дальше по улице, у левого бордюра, машину – «Пежо 307». Передняя дверца со стороны водителя была открыта, а за рулем сидела женщина, с которой Сервас расстался навсегда – во всяком случае, так он думал до сегодняшней ночи.

Дождь, свет фар и синих мигалок слепили глаза, все вокруг казалось зыбким и каким-то нереальным, но Мартен все-таки узнал ее силуэт – он узнал бы его среди тысячи других. Плащ с поднятым воротником. Разделенные пробором вьющиеся белокурые волосы и непослушная прядь, падающая на левый глаз, мгновенно промокли. Она стояла очень прямо, держась рукой за дверцу и выставив подбородок вперед – в точности как в его воспоминании. Страх и страдание ясно читались на ее лице, но гордости она не утратила.

Именно это он в ней и любил – когда-то, очень давно. Пока это свойство ее природы не воздвигло между ними непробиваемую стену.

– Здравствуй, Марианна, – сказал Мартен.

Она наконец оторвалась от дверцы, кинулась к Сервасу и мгновение спустя оказалась в его объятиях. Он ощутил внутри себя толчок, как при землетрясении, и осторожно обнял всхлипывающую женщину. Жест был скорее протокольно-вежливым, чем интимным. *Сколько прошло лет? Девятнадцать? Двадцать? Она выдворила Серваса из своей жизни, предпочла другого и сумела свалить вину на него. Он любил ее, о да... еще как любил... Возможно, он ни одну женщину не любил сильнее – ни до, ни после... Но это было в другом столетии, очень давно...*

Марианна отстранилась и взглянула на Серваса; ее длинные, насквозь промокшие волосы коснулись его щеки. Он снова ощутил мини-толчок – 4 балла по шкале Серваса. Ее глаза – два зеленых сверкающих озера – оказались совсем близко, и он разглядел в них миллион противоречивых эмоций. Боль. Печаль. Страх. Но и благодарность и надежду. Малюсенькую, робкую надежду... Она надеялась на него. Мартен отвел взгляд, пытаясь усмирить бешено колотящееся сердце. Прошло девятнадцать лет, а она почти не изменилась. Разве что появились тонкие морщинки в уголках глаз и рта.

Он вспомнил сказанную ею по телефону фразу: «Случилось нечто ужасное...» Сначала Сервас решил, что Марианна говорит о себе, что это она что-то натворила, и только потом понял – речь о ее сыне: *«Юго... Он нашел мертвую женщину, у нее дома... Все против него, Мартен... Его обвинят...»* Марианна так плакала, что едва могла говорить, он не понимал и половины слов.

«Что случилось?»

«Он позвонил мне... Его накачали наркотиками... Он проснулся в доме этой женщины и... она была мертва...»

Ее рассказ звучал нелепо, бессмысленно. Сервас подумал, что она могла выпить или что-то принять.

«Марианна, я ничего не понимаю. О ком ты говоришь? Кто такая эта женщина?»

«Она преподаватель. В Марсаке. Юго у нее занимался».

Марсак... Там учится Марго. Сервас растерялся, но тут же подумал, что в университете, лицее и коллеже работает не меньше сотни преподавателей, так что Марго может и не знать именно эту женщину.

«Они наверняка обвинят его. Мартен... Он не виноват. Юго на такое не способен... Умоляю, ты должен нам помочь...»

– Спасибо, что приехал, – сказала она. – Я...

Он жестом не дал ей продолжать:

– Не сейчас... Возвращайся домой. Я с тобой свяжусь.

Она бросила на него затравленный взгляд, а он, не дожидаясь ответа, развернулся и пошел к дому.

– Капитан Бекер?

– Да.

Сервас снова показал удостоверение, что было довольно бессмысленно из-за отсутствия света.

– Майор Сервас. Региональное отделение уголовной полиции Тулузы. А это лейтенант Эсперандье.

– Кто вам сообщил? – с ходу спросил Бекер.

Около пятидесяти, коренастый, судя по мешкам под глазами, страдает бессонницей. Сильно потрясен увиденным. И очень зол. *Еще один футбольный болельщик, которого оторвали от телевизора.*

– Свидетель, – уклончиво ответил Сервас. – А вас кто предупредил?

Бекер фыркнул так недовольно, как будто не желал делиться информацией с чужими.

– Сосед. Оливер Уиншоу. Англичанин... Он живет в доме на другой стороне улицы. – Капитан сопроводил объяснение указующим жестом.

– Что именно он видел?

– Окно его кабинета выходит в сад. Он увидел молодого человека, сидящего на бортике бассейна, и множество покачивающихся на воде кукол. Зрелище показалось ему странным, и он вызвал нас.

– Куклы?

– Да. Сами увидите.

Они находились в гостиной, погруженной в темноту, как и большинство домов в Марсаке. Входная дверь в дом оставалась открытой, и фары припаркованных во дворе машин, отбрасывающих длинные тени на стены, освещали помещение. Сервас сумел различить обставленную на американский манер кухню: стол со стеклянной столешницей, четыре кованых стула, буфет, а за стойкой – лестница на верхние этажи. Влажный воздух проникал внутрь через распахнутые настежь балконные двери, и Сервас понял, что их специально заблокировали, чтобы не хлопали. Он слышал шум дождя и шелест листвы на ветру.

Фонарь прошедшего мимо жандарма на мгновение выхватил из полумрака их силуэты.

– Они устанавливают электрогенератор, – пояснил Бекер.

– Где парень? – поинтересовался майор.

– В фургоне. Под надежной охраной. Его отвезут в жандармерию.

– А жертва?

Жандарм указал пальцем на потолок:

– Наверху. Под крышей. В ванной.

По голосу Сервас понял, что тот еще не пришел в себя от потрясения.

– Она жила одна?

– Да.

Даже на взгляд с улицы дом был большой – четыре уровня, считая первый этаж и мансарду, хотя площадь каждого составляла не больше пятидесяти квадратных метров.

– Я правильно понял – она преподаватель?

– Клер Дьемар. Тридцать два года. Преподавала что-то там такое – не знаю что – в Марсаке.

Мартен встретился взглядом с капитаном.

– Мальчишка был одним из ее учеников.

– Что вы сказали?

Раскат грома заглушил ответ жандарма, и он повторил:

– Я сказал, что он учился в одном из классов, где жертва вела занятия.

– Это мне известно.

Сервас и Бекер молча смотрели друг на друга в полумраке комнаты, занятые каждый своими мыслями.

– Рискну предположить, что вы – человек куда более привычный, чем я, – прервал молчание жандарм, – и тем не менее считаю своим долгом предупредить: зрелище не для слабонервных. Я никогда не видел ничего столь... омерзительного.

– Прошу простить, что прерываю ваш разговор... – произнес чей-то голос.

Они повернули головы к лестнице.

– Могу я узнать, кто вы такие?

Высокий силуэт медленно выплывал из темноты: человек спустился по ступенькам и подошел к ним.

– Майор Сервас, уголовный розыск Тулузы.

Незнакомец протянул Сервасу руку в перчатке. Роста в нем было метра два, не меньше, длинную шею венчала квадратная голова с оттопыренными ушами и по-армейски коротким ежиком волос. Великан крепко пожал руку Сервасу и представился:

– Ролан Кастен, прокурор Оша. Я только что говорил по телефону с Катрин. Она предупредила, что вы появитесь. Могу я узнать, кто вам сообщил?

Кастен имел в виду Кати д'Юмьер, главного прокурора Тулузы, с которой Сервас не раз сотрудничал, в том числе занимаясь самым крупным своим делом – тем самым, что полтора года назад привело его в Институт Варнье. Сервас колебался.

– Марианна Бохановски, мать молодого человека, – наконец сказал он.

– Вы с ней знакомы? – выдержав паузу, спросил прокурор тоном, в котором смешались удивление и настороженность. У него был глубокий рокошующий бас, согласные грохотали, как колеса тележки на гравии.

– Да. Не слишком близко. Мы не виделись много лет.

– Тогда почему она обратилась именно к вам? – упорствовал великан.

Сервас снова ответил не сразу.

– Полагаю, все дело в том, что мое имя было на первых полосах всех газет.

Прокурор ничего не сказал. Сервас понял, что он его изучает, и внутренне поежился: этот человек напомнил ему гигантскую статую с острова Пасхи.

– Ну да, конечно... Бойня в Сен-Мартен-де-Комменж. Конечно... Следствие вели вы... Невероятная была история... такое не забывается, да, майор?

Что-то в тоне судейского чиновника до крайности раздражало Серваса.

– Я все еще не понимаю, что вы здесь делаете...

– Повторяю: мать Юго попросила меня принять участие в его судьбе.

– Насколько мне известно, никто пока не поручал вам ведение этого дела, – резко бросил Кастен.

– Вы правы.

– Расследование находится в юрисдикции суда Оша, а не Тулузы.

Сервас хотел было возразить, что следственная бригада Оша не провела за последние годы ни одного серьезного расследования, что им не хватает людей, но воздержался.

– Вы проделали долгий путь, майор, – сказал Кастен. – Очевидно, вы, как и все мы, вынуждены были оторваться от увлекательного телевизионного шоу. Можете пройти наверх и осмотреть там все, но предупреждаю: зрелище то еще... Хотя вы, в отличие от нас, много чего повидали.

Сервас кивнул. Нужно любой ценой добиться, чтобы расследование поручили ему.

Куклы смотрели в ночное небо. Сервас подумал, что у плавающего в бассейне трупа наверняка был бы точно такой же взгляд. Куклы в светлых платяницах покачивались на воде, то и дело соприкасаясь боками. Они с Эсперандье стояли на бортике. Помощник Серваса раскрыл огромный зонт, прикрывая их от дождя, барабанившего по плитам и заливавшего носки ботинок. Ветер дул в лицо, то и дело опрокидывая зонт на обвитую диким виноградом стену у них за спиной.

– Вот дерьмо... – кратко прокомментировал Эсперандье.

«Дерьмо» было любимым словечком помощника майора, он всегда использовал его, когда чего-то не понимал.

– Она коллекционировала кукол, – сообщил он. – Вряд ли убийца принес их с собой – скорее всего, нашел в доме.

Сервас кивнул и пересчитал кукол. *Девятнадцать*... Сверкнувшая молния осветила залитые водой личики. Самое неприятное впечатление производили глаза с неподвижным взглядом. Сервас знал, что подобный взгляд ждет его наверху, и мысленно готовил себя к этому.

– Пошли.

Переступив порог, Сервас и Эсперандье надели перчатки, шапочки, бахилы и окунулись в темноту – генератор так и не заработал. Они экипировались молча, разговаривать ни тому ни другому не хотелось. Мартен включил фонарь, Венсан последовал его примеру, и они начали подниматься по лестнице.

4. Место преступления

Отблески молний освещали скрипевшие под ногами ступени. Фонари подсвечивали лица снизу, так что Эсперандье видел сверкающие, как угольки, черные глаза своего начальника, выискивавшего следы на лестнице. Сервас взбирался вверх, стараясь ставить ноги как можно ближе к плинтусам, и напоминал регбиста «Олл Блэкс» во время исполнения хаки⁶.

– Будем надеяться, что господин прокурор поступил так же, – сказал он.

Кто-то поставил штормовую лампу на лестничной площадке последнего этажа. Она распространяла вокруг зыбкий свет. И освещала единственную дверь.

Дом стонал под натисками грозы. Сервас задержался у порога. Сверился с часами. 11.10. Немыслимо яркая молния осветила окно ванной комнаты и на мгновение ослепила их, когда они вошли. Следом прогремел раскат грома. Они сделали еще один шаг и обшарили лучами фонариков каморку под лестницей. Им следует поторопиться, пока не появились эксперты. Комната была погружена в темноту. За окном разыгрывалось пиротехническое действо, но ванну – светло-голубой прямоугольник на черном фоне – освещал находившийся на дне источник.

На манер бассейна... *освещенного изнутри*...

Сервас ощутил биение сердца в глотке и направил свет фонаря на пол, после чего подошел к ванне, пробираясь вдоль стены. Сделать это оказалось непросто – мешали расставленные повсюду флаконы и свечи, низкие пуфики, широкие чаши. Вешалка для полотенец и зеркало. Двойная занавеска закрывала ванну по периметру. Ее уже отодвинули, так что Сервас мог различить мерцание воды. И тень.

На дне что-то лежало... Что-то или, вернее, кто-то.

Ванна была старой модели – чугунная, с белой эмалировкой, на четырех ножках, двух метров в длину и очень глубокая, так что Сервасу пришлось подойти вплотную, чтобы разглядеть дно.

Он сделал еще один шаг – и едва удержался, чтобы не отпрянуть.

Она лежала там – и смотрела широко раскрытыми глазами, словно ждала его. Ее рот тоже был открыт, как будто она пыталась что-то сказать. Пыталась, но – увы – не могла, ведь взгляд ее был мертвым. В ней совсем не осталось жизни.

Бекер и Кастен оказались правы: зрелище и впрямь невыносимое. Хуже была разве что та обезглавленная лошадь в горах... Впрочем, Сервас, в отличие от судейских, умел справляться с эмоциями. Клер Дьемар связали веревкой немислимой длины, обмотав ее бесчисленное число раз вокруг туловища, шеи и рук, пропустив под мышками и между ног, расплющив грудь. Грубые узлы бугорчатой веревки глубоко впивались в кожу. Эсперандье подошел ближе и взглянул через плечо майора. На ум ему немедленно пришло слово «*рабство*». Путы и узлы были такими тесными и многочисленными, что Сервас невольно пожалел судмедэксперта: тому понадобится не один час, чтобы все разрезать и изучить в лаборатории. Он никогда прежде не видел такого... мотка. А вот убийца наверняка потратил не так много времени на «упаковку» жертвы, он действовал грубо и стремительно, а потом положил ее в ванну и открыл кран.

Кран был закрыт плохо, вода до сих пор капала.

Назойливый звук шлепка по воде в зловещей тишине комнаты.

⁶ «Олл Блэкс» (*англ.* All Blacks) – самоназвание сборной Новой Зеландии по регби. **Хака** – традиционный танец новозеландских маори. Исполняется группой и сопровождается ритмичным выкрикиванием слов аккомпанемента. Самой известной за пределами Новой Зеландии является хака, традиционно исполняемая национальной сборной этой страны по регби перед матчами.

Возможно, сначала он нанес ей удар. Сервасу хотелось опустить руку в ванну, вытащить голову жертвы из воды и ощупать затылочную и теменную кости – две из восьми плоских костей, образующих черепную коробку, – под длинными темными волосами. Ничего подобного он, конечно, не сделал, чтобы не отнимать хлеб у судебного медика.

Свет фонаря отражался в воде. Мартен погасил его, так что остался единственный источник света, от которого вода казалась испещренной блестками...

Сервас закрыл глаза, досчитал до трех и поднял веки: свет исходил не из ванны, а из рта жертвы. Источником был фонарик цилиндрической формы не больше двух сантиметров в диаметре. Его затолкали Клер в горло, так что только конец торчал между ротоглоткой и язычком, освещая небо, язык, десны и зубы покойницы и преломляясь в воде.

Лампочка в абажуре из человеческой плоти...

Сервас задумался о значении «завершающего штриха» убийцы. Что это, подпись? Если судить по его бессмысленности – с точки зрения практической – и неоспоримому символическому значению, так оно и есть. Остается найти символ. Майор напряженно думал, пытаясь определить значение каждого элемента.

Вода...

Вода была ключевым элементом. Сервас разглядел на дне ванны какую-то «органику», ощутил легкий запах мочи и сделал вывод, что она умерла именно здесь, в этой холодной воде.

Вода здесь и вода снаружи... Шел дождь... Неужели убийца специально дожидался именно такой вот грозовой ночи?

Сервас не заметил никаких особых следов, когда поднимался по лестнице. Если тело обмотали веревками где-то в другом месте, а потом втащили сюда, на плитусах неизбежно остались бы царапины, а на ковре – следы волочения. Он попросил экспертов внимательно осмотреть лестничную клетку и собрать возможные улики, хотя заранее знал, каким будет результат.

Сервас снова посмотрел на мертвое тело, и у него вдруг закружилась голова. У этой женщины было будущее. Никто не заслуживает участи умереть молодым. Судя по направлению взгляда – она смотрела на воду, – перед смертью ей было очень страшно. Клер поняла, что все кончено и состариться ей не доведется. О чем она думала? О прошлом или о будущем? Об упущенных возможностях, о «вторых шансах», которых не будет, о планах, которые никогда не осуществятся, о любовниках, об одной – большой – любви? Или просто о том, как выжить? Она боролась, как дикое животное, попавшее в капкан, но уже находилась в веревочном коконе и чувствовала, как вода поднимается – медленно и неумолимо. Касаясь ее кожи. Паника овладела рассудком Клер, ей хотелось кричать от ужаса, но она не могла – мешал маленький фонарик-карандаш, куда более эффективный, чем кляп. Клер могла дышать только носом, горло у нее болело и распухло, мозгу не хватало кислорода. Она наверняка начала икать, как только вода залилась ей в рот, а когда дошла до ноздрей, поднялась выше, до широко раскрытых глаз, на смену панике пришел чистый, первородный ужас...

Когда зажегся свет, все вздрогнули от неожиданности.

– Вот черт! – выругался Эсперандье.

– ОБЪЯСНИТЕ МНЕ, ПОЧЕМУ я должен доверить это расследование вам, майор.

Сервас поднял голову и взглянул на Кастена. Следователь достал сигарету и закурил, прикрывая огонек зажигалки ладонью. Стоя под дождем в свете фар, он напоминал фигуру языческого идола, равнодушно взирающего с высоты своего роста на жалкого смертного.

– Почему? Да потому, что все ждут от вас именно этого. И потому, что это самый разумный выбор. А еще потому, что, если вы этого не сделаете и расследование бесславно провалится, ВАС СПРОСЯТ, ПОЧЕМУ ВЫ ЭТОГО НЕ СДЕЛАЛИ.

Маленькие, глубоко посаженные глазки следователя сверкнули, но Сервас не смог угадать, разозлил он собеседника, позабавил – или и то и другое, вместе взятое. Великан был на редкость невозмутим и скуп во внешних проявлениях эмоций.

– Кати д’Юмьер вами не нахвалится. – В голосе Кастена прозвучал неприкрытый скепсис. – Она утверждает, что ваша группа – лучшая из всех, с которыми ей довелось работать. Весомый комплимент, не так ли?

Майор счел за лучшее промолчать.

– Я хочу быть в курсе всех ваших действий и любого – малейшего – продвижения в расследовании. Я ясно выразился?

Сервас согласно кивнул.

– Я свяжусь с Региональным отделением криминальной полиции и позвоню вашему директору. Правило номер один: никаких умолчаний и никаких, даже малейших, нарушений процедуры. Говоря иными словами: любое проявление инициативы – только с моего предварительного согласия.

Ролан Кастен вопросительно взглянул на Серваса, и тот снова кивнул.

– Правило номер два: с прессой общаюсь только я, вы разговоров с журналистами не ведете.

Ага, он тоже жаждет получить свои «пятнадцать минут славы». Провокационная фразочка Энди Уорхола⁷ сделала свое дело – все и каждый теперь желают хоть раз погреться в лучах рампы, прежде чем исчезнуть со сцены: спортивные арбитры, усердствующие на стадионах, профсоюзные вожаки, берущие в заложники руководителей предприятий, чтобы защитить рабочие места и покрасоваться на телеэкране, и провинциальные прокуроры, делающие стойку на телекамеру.

– Вы бы, конечно, предпочли работать с Кати д’Юмьер, но вам придется смириться с моим присутствием. Если ваша работа покажется мне неубедительной, если расследование будет продвигаться недостаточно быстро, я попрошу судью передать дело в жандармерию. Но до тех пор у вас полная свобода рук.

Он повернулся и пошел к припаркованной неподалеку «Шкоде».

– Класс! – прокомментировал Венсан. – Какая, однако, приятная у нас работенка.

– Во всяком случае, мы точно знаем, чего от него ждать, – отреагировала Самира. – Какой там суд, в Оше?

Она подъехала в тот момент, когда ее коллеги спускались после осмотра, и немедленно привлекла внимание жандармов курткой в стиле «милитари» с надписью на спине «*Зомби против вампиров*».

– Суд Большой Инстанции...

– Все ясно.

Сервас понимал ход ее мыслей: можно было не сомневаться, что господин прокурор впервые получил в разработку столь сложное дело и решил «пометить территорию», дабы компенсировать недостаток опыта. Правосудие и полиция нередко действовали слаженно, но бывали случаи, когда каждый тянул одеяло на себя.

Они вернулись в дом, оккупированный экспертами: повсюду были натянуты ленты ограждения, горели прожекторы, пластиковые пирамидки отмечали местоположение вещественных доказательств. Специалисты растянули по всем комнатам электрические провода и светили на стены особыми лампами, ища следы крови, спермы и бог знает чего еще. Одеты в

⁷ Энди Уорхол (1928–1987) – известный американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссер; культовая персона в истории поп-арт-движения; особую известность приобрела его фраза: «В будущем каждый получит свои пятнадцать минут славы».

белые комбинезоны люди молча и деловито сновали между первым этажом, лестницей и улицей.

Сервас вышел из гостиной в сад. Ливень стих, превратившись в банальный дождик. Тяжелые капли били Мартена по макушке. Он стоял и вспоминал, как звучал голос Марианны по телефону. По ее словам, Юго позвонил и сказал, что очнулся в доме своей преподавательницы. Мальчик был в такой панике, что мать едва узнавала его голос. Юго не помнил ни как попал в дом, ни что он там делал. Задыхаясь от рыданий, он рассказал, что балконные двери были открыты, он обошел весь сад и с изумлением обнаружил плавающих в бассейне кукол. Потом он решил обыскать дом – комнату за комнатой, этаж за этажом – и едва не лишился чувств, обнаружив тело Клер Дьемар на самом верху, в ванне. Марианна объяснила Сервасу, что целых пять минут сын только плакал и что-то невнятно бормотал, но потом взял себя в руки и продолжил объяснять, что с ним случилось. Он попытался привести Клер в чувство, распутать веревки, но узлы были слишком туго затянуты. Он осознал, что она мертва, и потому вышел из дома под дождь, дотащился до бассейна, сел на бортик и оставался там неизвестно сколько времени, а потом позвонил матери. Юго признался, что странно себя чувствует. «У меня в голове туман» – так он сказал. Видимо, его накачали наркотиками... Он ничего не видел и не понимал, когда появились жандармы и надели на него наручники.

Майор подошел к бассейну. Куклы. Один из экспертов вылавливал их сачком – цеплял, вытаскивал и опускал по одной в большие прозрачные целлофановые мешки. В этой сцене было нечто потустороннее: повсюду горели прожектора, освещая ярким светом белые призрачные лица кукол и их неподвижные голубые глаза. Сервасу стало не по себе: эти глаза казались удивительно живыми по сравнению с мертвыми – мертвее не бывает! – глазами Клер Дьемар. Нет, не так. Куклы взирали на окружающих с враждебностью живых существ... «Ну что за вздор лезет в голову», – обругал себя Сервас.

Он медленно обошел вокруг бассейна. Шагал осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрых плитах. У него возникло необъяснимое чувство: что-то в поведении или внешнем виде жертвы приманило к ней хищника. Так происходит в дикой природе – животные никогда не охотятся наобум.

То, как было обставлено место преступления, подтверждало неслучайность выбора жертвы.

Мартен остановился напротив стены, отделявшей сад от улицы. Поднял глаза – так он мог видеть верхний этаж дома на другой стороне. Одно из окон выходило прямо на бассейн. Именно оттуда старик-англичанин и заметил Юго и кукол. Если бы юноша сидел на противоположном бортике, никто бы его не увидел, но он сел там, где теперь стоял Сервас. Возможно, эта мысль просто не пришла ему в голову или он был одурманен наркотиками, потрясен случившимся, вот и не догадался. Сервас нахмурился и вжал голову в плечи. Холодные струйки воды стекали по лицу и затылку за воротник. В этой истории и впрямь есть нечто странное.

5. Охота на снарка

Взгляд у старого профессора Оливера Уиншоу был живой, как у только что выловленной из воды рыбы. Несмотря на поздний час, он не выглядел усталым. От внимания Серваса не ускользнул тот факт, что госпожа Уиншоу в разговор не вмешивается, но слушает очень внимательно, не упуская ни одной детали. Она была очень немолода, но, как и муж, не казалась уставшей. Два ясно мыслящих, бодрых старика, которые прожили интересную жизнь и, без сомнения, собираются эксплуатировать свои нейроны максимально долгий срок.

– Спрошу еще раз, чтобы все было предельно ясно: вы не замечали ничего необычного в последнее время?

– Нет. Ничего. Сожалею, что ничем не могу быть вам полезен.

– Может, незнакомый человек бродил вокруг дома, звонил в дверь вашей соседки, была какая-нибудь мелкая деталь, на которую вы тогда не обратили внимания, а теперь, в свете случившегося, она кажется вам подозрительной? Прошу вас, соберитесь, это крайне важно.

– Думаю, мы вполне осознаем значение этого прискорбного происшествия. – Голос вступившей в разговор женщины прозвучал очень твердо. – Мой муж действительно старается вам помочь, комиссар.

Мартен бросил взгляд на Оливера. Левое веко профессора едва заметно дернулось при слове «комиссар», но он не стал поправлять жену.

– Не могли бы вы оставить нас вдвоем на несколько минут, госпожа Уиншоу?

Взгляд женщины стал жестким, губы приоткрылись.

– Послушайте, комиссар, я...

– Прошу тебя, Кристина, – произнес Уиншоу.

Сервас отметил, что профессоршу изумила проявленная мужем инициатива. В голосе Оливера Уиншоу прозвучала озорная нотка: он получил очевидное удовольствие от того, что «ококортил» жену, и ему было приятно оказаться в мужском обществе. Сервас знаком отослал помощников.

– Вы при исполнении, майор, и, очевидно, не можете составить мне компанию, но я все равно выпью виски, – весело сообщил старик, когда они с Сервасом остались вдвоем.

– А вы меня не выдадите? – улыбнулся в ответ Мартен. – Безо льда, пожалуйста.

Уиншоу улыбнулся, показав пожелтевшие зубы. Сервас поднялся и подошел к стеллажам. «Потерянный рай», «Баллада о старом моряке», «Гиперион», «Охота на снарка», «Бесплодная земля»... Метры и метры английской поэзии...

– Любите литературу, майор?

Сервас взял протянутый стариком стакан. Виски был отличный, с выраженной нотой дымка. Первый глоток обжег горло и желудок.

– Романскую.

– Учились?

– Очень давно, на филологическом.

Уиншоу энергично покивал в знак одобрения.

– Только поэзия может выразить неспособность человека постичь смысл нашей мимолетной жизни на земле, – сказал он. – Впрочем, если предоставить человечеству выбор, оно предпочтет Виктору Гюго футбол.

– Не любите смотреть матчи по телевизору? – поддел старика Сервас.

– Хлеба и зрелищ. Ничего нового. Гладиаторы, во всяком случае, ставили на кон собственную жизнь, у них был «стиль» – не то что у юнцов в трусах, гоняющих мяч по полю. Стадион – не более чем увеличенная в размерах версия школьного двора.

– «Не стоит, однако, пренебрегать и физическими упражнениями»... Это слова Плу-тарха, – заметил Сервас.

– Вот за Плутарха мы и выпьем.

– Клер Дъемар была красивой женщиной, согласны?

Оливер Уиншоу замер, не донеся стакан до рта, устремив взгляд выцветших глаз в пустоту.

– Очень.

– Даже так?

– Вы сами имели возможность убедиться. Разве что... только не говорите, что она... что ее...

– Скажем так: сегодня был не лучший день в ее жизни.

Глаза старика затуманились.

– Господь милосердный... Мы упражняемся в остроумии, пьем виски... А рядом тво-рится нечто ужасное...

– Вы за ней наблюдали?

– В каком смысле?

– Поверх стены, когда она выходила в сад, вы следили за вашей соседкой?

– На что это вы намекаете, черт бы вас побрал?

– Женщина загорала: на теле остался след от купальника. Она наверняка прогуливалась по саду. Лежала в шезлонге и, полагая, плавала в бассейне. Красивая женщина... Время от времени вы наверняка замечали ее, проходя мимо окна.

– Глупости! Не ходите вокруг да около, майор. Хотите знать, подглядывал ли я за ней?

Оливер Уиншоу явно не любил недомолвки.

– Что вам сказать... – Он пожал плечами. – Да. Такое случалось. Иногда я пялился на нее... И что с того? У нее была фантастическая задница, и она это знала.

– Как так?

– А вот так. Эта дамочка не вчера родилась, уж вы мне поверьте, майор.

– Она принимала гостей?

– Не слишком часто.

– Вам знакомы те, кто приходил к Клер?

– Нет.

– Никто из них?

– Ни один человек. Она не общалась с местными. А вот мальчика я уже видел.

Старик пристально посмотрел на Серваса, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Хотите сказать, он уже бывал у Клер?

– Именно так.

– Когда?

– Неделю назад... Я видел, как они разговаривали в саду.

– Вы уверены?

– Я не страдаю старческим слабоумием, майор.

– А раньше вы его видели?

– Да.

– Сколько раз?

– Раз десять, не меньше... Но, думаю, свиданий было много больше. Я отнюдь не всегда «караулю» у окна.

Сервас был убежден в обратном.

– Они всегда встречались в саду?

– Не знаю... Не думаю, нет... Один или два раза он, очевидно, звонил в дверь, она его впускала, и они оставались в доме. Только не подумайте, что я строю предположения или делаю намеки.

– Как они держались? Вам не показалось, что между ними существует особая... близость?

– Напоминали ли эти двое любовников? Нет... Хотя... Честно говоря, я ни в чем не уверен. Если вам нужна «пикантная» информация, вы обратились не по адресу.

– Как давно начались встречи?

Профессор пожал плечами.

– Вы знали, что он ее ученик?

Во взгляде Оливера промелькнуло неодобрение.

– Нет, не знал. – Он сделал глоток виски.

– Вы не усматриваете никакой двусмысленности в том, что ученик встречается с преподавательницей у нее дома? С такой красивой преподавательницей?

– Не мне об этом судить.

– Вы общаетесь с соседями, господин Уиншоу? До вас доходили какие-нибудь слухи, сплетни?

– Слухи? В Марсаке? Вы, должно быть, шутите... Я не общаюсь с соседями – этот труд взяла на себя Кристина. Она гораздо... как бы это сказать... общительней меня, так что поговорите с ней.

– Вы с женой бывали в доме вашей соседки?

– Когда Клер переехала, мы пригласили ее на кофе. Потом она позвала нас к себе, но это был «визит вежливости», продолжения не последовало.

– Вы случайно не обратили внимания на коллекцию кукол?

– Еще как обратил. Видите ли, моя жена – психолог. Вернувшись домой, она выдвинула любопытную гипотезу о куклах в доме одинокой женщины.

– Можете поделиться?

Старик коротко изложил теорию Кристины, и Сервас прояснил для себя происхождение кукол. Больше вопросов к профессору у него не было, и майор перевел взгляд на раскрытые на маленьком бюро тома Торы, Корана и Библии.

– Вы занимаетесь мировыми религиями? – спросил он.

Уиншоу улыбнулся и сделал еще один глоток виски, лукаво поглядывая на сыщика поверх стакана.

– Они завораживают, не так ли? Я говорю о религиях... Как подобные выдумки могли ослепить стольких людей? Знаете, как я называю это бюро?

Сервас вопросительно поднял бровь.

– «Уголок глупцов».

6. Amicus Plato sed majoramicus veritas

Сервас опустил монету в автомат и нажал на кнопку «Двойной кофе с сахаром». Он где-то читал, что вопреки устоявшемуся мнению в двойном кофе больше кофеина, чем в эспрессо. Стаканчик упал набок, половина напитка пролилась, сахара и ложечки Сервас так и не дождался. Но он все-таки выпил оставшийся кофе до капли. Потом смял стаканчик и бросил его в урну.

В жандармерии Марсака не было специального помещения для допросов, и они заняли небольшой зал на втором этаже. Майор нахмурился, увидев окно. Главную опасность в подобных ситуациях представляла не попытка побега, а покушение на самоубийство загнанного в угол арестанта. Падение из окна второго этажа было маловероятным, но рисковать он не хотел.

– Захлопни створку, – приказал он Венсану.

Самира открыла ноутбук, зафиксировала время и, готовясь снимать допрос, развернула веб-камеру, направив ее на стул, приготовленный для задержанного.

Мартен в очередной раз почувствовал себя вышедшим в тираж. Молодые помощники изо дня в день заставляли его ощущать, как быстро меняется мир и как плохо он к нему адаптируется. Сервас сказал себе, что однажды корейцы или китайцы изобретут роботов-сыщиков и тогда его выбросят на свалку. Роботов оснастят детекторами лжи, голосовыми анализаторами и лазерами, способными улавливать любую модуляцию голоса и любое, даже самое слабое, подрагивание век. Они будут эффективны, непогрешимы и бесстрастны. Остается надеяться, что адвокаты найдут способ запретить их участие в предварительном расследовании.

– Какого черта они тянут? – раздраженно спросил он.

В этот самый момент дверь открылась, и Бекер ввел Юго. Без наручников. Очко в его пользу. Юго выглядел усталым, вид у него был отсутствующий. Сервасу пришлось в голову, что жандармы могли устроить парню допрос.

– Садись, – сказал капитан.

– Он встречался с адвокатом?

Бекер покачал головой:

– Не произнес ни слова с момента задержания.

– Но вы, конечно, сообщили ему, что он имеет право на адвоката?

Капитан испепелил майора взглядом и, не удостоив ответом, протянул протокол допроса. Сервас прочел: «Не потребовал адвоката». Он сел за стул напротив юноши. Бекер отошел к двери. Поскольку мать Юго уже все знала, Сервас мог никого не оповещать: эти правила касались как подростков, так и совершеннолетних.

– Вас зовут Юго Бохановски, – начал он, – вы родились двадцатого июля тысяча девятьсот девяносто второго года в Марсаке.

Никакой реакции. Мартен прочел следующую строчку и едва не подскочил от неожиданности.

– Вы учитесь на втором курсе подготовительного литературного класса Марсакского лицея...

Через месяц ему исполнится восемнадцать. А он уже посещает факультативный курс... Очень умный мальчик... Марго на первом курсе и в другом классе, но лицей-то один! Весьма вероятно, что Клер Дьемар преподавала и у нее. Сервас решил, что обязательно задаст вопрос дочери.

– Хотите кофе?

Ноль эмоций. Сервас повернулся к Венсану.

– Принеси ему кофе и стакан воды.

Эсперандье вышел, а Сервас внимательно взглянул на юношу. Тот сидел, опустив глаза, зажав ладони между коленями. Обороняющийся жест. Через дыру в джинсах виднелась загорелая нога.

Он смертельно напуган.

Стройный, смазливый – такие нравятся девушкам. Волосы подстрижены очень коротко, светлый шелковистый пушок на круглой голове блестит в свете неоновых ламп. Трехдневная щетина. Одет в футболку с надписью на английском языке и эмблемой какого-то американского университета.

– Ты осознаешь, что все свидетельствует против тебя? Тебя нашли в доме Клер Дьемар, варварски убитой этим вечером. Судя по отчету, в момент задержания ты находился под действием алкоголя и наркотиков.

Майор поднял глаза на Юго, но тот даже не шелохнулся. Возможно, он еще не до конца обрел ясность сознания.

– Твои отпечатки в этом доме повсюду...

– ...

– А также грязь и трава с ботинок – они появились после того, как ты бродил по саду.

– ...

Сервас вопросительно посмотрел на Бекера. Тот в ответ пожал плечами.

– Идентичные следы есть на лестнице и в ванной, где нашли тело Клер Дьемар...

– ...

– Мы проверили твой сотовый: за последние две недели ты звонил жертве восемнадцать раз.

– ...

– О чем вы говорили? Мы знаем, что она была твоей преподавательницей... Хорошей?

Нет ответа.

Черт, мы ничего из него не вытянем.

У Серваса мелькнула мысль о Марианне: судя по всему, ее сын виновен. Во всяком случае, ведет он себя как виновный. Может, стоит позвонить ей, чтобы повлияла на Юго, уговорила сотрудничать?

– Что ты делал у Клер Дьемар?

– ...

– Прекрати притворяться глухим! Ты что, не видишь, в какое дерьмо вляпался?

Голос Самиры – резкий и скрипучий, как пила. Юго вздрогнул. Он соблаговолит поднять глаза и на мгновение растерялся, увидев толстогубый рот, глаза навывкате и маленький носик франко-китайской марокканки. В довершение всего она злоупотребляла тушью и тенями для век. Впрочем, оторопь быстро прошла, и Юго снова устался на свои колени.

Гроза снаружи, тишина внутри. Тишина и молчание, которое никто не хотел нарушать.

Сервас обменялся взглядом с Самирой.

– Я здесь не для того, чтобы тебя обвинять, – почти нехотя произнес полицейский. – Мы всего лишь пытаемся установить истину. *Amicus Plato sed major amicus veritas.*

«Платон мне друг, но истина дороже». Кажется, латинский афоризм.

На сей раз он добился ответной реакции. Юго смотрел на него...

Ярко-голубыми глазами. «Взгляд как у матери, – подумал Сервас, – хотя у Марианны глаза зеленые». Сходство с Марианной было заметно и в очертаниях губ и лица. Мартен почувствовал смятение.

– Я говорил с твоей матерью, – неожиданно для себя самого сказал он. – Мы когда-то были друзьями. Очень близкими друзьями.

– ...

– До того, как она познакомилась с твоим отцом...

– Она никогда мне о вас не рассказывала.

Первая произнесенная Юго Бохановски фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы.

Сервас задохнулся, как от удара кулаком в живот.

Юго не врет.

Сервас откашлялся.

– Я тоже учился в Марсаке, – сказал он. – Как и ты. Теперь туда поступила моя дочь.

Марго Сервас. Она на первом курсе.

На сей раз он сумел привлечь внимание молодого человека.

– Марго – ваша дочь?

– Ты ее знаешь?

Юноша пожал плечами:

– Кто же не знает Марго? В Марсаке все ее знают... Марго хорошая... Она нам не сказала, что ее отец – сыщик.

Голубые глаза Юго пристально смотрели на Серваса. Полицейский понял, что ошибся: парень не боится, просто решил молчать. Ему семнадцать, но он выглядит куда более зрелым.

– Почему ты отказываешься говорить? Ты понимаешь, что тем самым усугубляешь свое положение? Вызвать к тебе адвоката? Пообщаетесь, мы вернемся к разговору.

– Зачем мне адвокат? Я был там, когда она умерла, или появился чуть позже... У меня нет алиби... Все против меня... Выходит, я виновен?

– А ты виновен?

По глазам Юго майор ничего не сумел определить, если в них что и было, то только ожидание.

– Вы ведь для себя все уже решили... Так какая разница, правду я говорю или вру?

– Разница очень большая, – ответил Сервас.

Сказанное не соответствовало действительности, он и сам это знал.

Во французских тюрьмах сидит множество невиновных, а по улицам расхаживают преступники – и немало. Судьи и адвокаты рядятся в мантии, кичатся принципами, произносят речи о морали и праве – и мирятся с системой, прекрасно зная, что она плодит море юридических ошибок.

– Ты позвонил матери и сказал, что проснулся в доме и нашел мертвую женщину, так?

– Да.

– Где именно ты проснулся?

– В гостиной, внизу.

– В каком месте гостиной?

– На диванчике. Я сидел. – Бохановски взглянул на Бекера. – Я им уже говорил.

– Что ты сделал потом?

– Позвал мадемуазель Дьемар.

– Ты остался сидеть?

– Нет. Двери в сад были открыты, шел дождь, вода заливалась внутрь. Через одну из них я и вышел.

– Ты не спросил себя, где находишься?

– Я узнал дом.

– Ты там уже бывал?

– Да.

– Итак, ты узнал место: ты часто там бывал?

– Достаточно часто.

– Что значит «достаточно»? Сколько раз?

– Не помню...

– Попробуй вспомнить.

– Не знаю... может, десять... или двадцать раз...
– Почему ты так часто приходил к ней? Зачем все время звонил? Мадемуазель Дьемар принимала у себя всех учеников?

– Это вряд ли.

– То есть для тебя она делала исключение? О чем вы разговаривали?

– О том, что я пишу.

– Что, прости?

– Я пишу роман... Я рассказывал об этом Клер... мадемуазель Дьемар... Ей было интересно – действительно интересно, она попросила дать ей почитать... И мы все время это обсуждали. И по телефону тоже...

Сервас посмотрел на Юго. Ему стало не по себе. Учась в Марсаке, он тоже начал писать роман. Современную эпопею... Честолюбивая мечта любого начинающего литератора... Произведение, о котором издатели и читатели скажут: «Браво, Мастер!» История большого тетраплегией⁸ человека, в котором живым остается только мозг, но его напряженная, пламенная духовная жизнь богаче жизни большинства людей. Сервас бросил сочинительство на следующий после самоубийства отца день.

– Ты называл ее Клер? – задал он следующий вопрос.

– Да... – с секундной задержкой ответил Юго.

– Какой характер носили ваши отношения?

– Я же объяснил – ее интересовал мой роман.

– Она давала тебе советы?

– Да.

– И ей нравилось написанное?

Еще один взгляд исподлобья. Гордость в глазах.

– Она говорила... говорила, что давно не читала ничего подобного.

– Могу я узнать название?

Юго колебался. Мартен мысленно поставил себя на его место. Начинающий автор явно не хотел делиться сокровенным с незнакомым человеком.

– «Круг»...

Сервасу хотелось задать вопрос о сюжете сочинения, но он промолчал. Сыщик был в замешательстве, он чувствовал, что начинает сочувствовать юноше. Возможно, он не совсем объективен: Юго – сын Марианны и очень похож на него самого, такого, каким он был двадцать три года назад. Зачем парню убивать единственного человека, который мог понять и оценить его работу? Ответа на этот вопрос у Серваса не было.

– Поговорим о том, что ты делал после сада.

– Вернулся в дом. Звал ее. Искал повсюду.

– А позвонить в полицию тебе в тот момент в голову не пришло?

– Нет.

– Что было дальше?

– Я поднялся, обыскал комнаты – одну за другой. Дошел до ванной... И... увидел ее. – У него судорожно дернулся кадык. – Я запаниковал... Не знал, что делать. Попытался вытащить ее голову из воды, бил по щекам, чтобы привести в чувство, кричал, пытался развязать узлы. Но их было слишком много, и такие тугие... Я ничего не мог сделать, веревка разбухла от воды. Я почти сразу понял, что уже слишком поздно...

– Говоришь, пробовал привести ее в чувство?

– Пробовал.

⁸ Тетраплегия – паралич четырех конечностей, обычно при повреждении шейного отдела спинного мозга.

– А фонарик? – Сервас заметил, как дрогнули веки Юго. – Ты видел зажженный фонарик у нее во рту?

– Конечно, видел...

– Так почему не попробовал... вытащить?

– Не знаю... скорее всего, потому, что... – Юго запнулся. – ... мне было противно лезть пальцами ей в горло...

– Ты хотел сказать: в горло покойнице?

Майор заметил, как бессильно опустились плечи Юго.

– Да. Нет. Не только. В горло Клер...

– А что происходило до того? Ты сказал, что очнулся у Клер Дьемар, я правильно понял?

– Да. Я пришел в себя в гостинной.

– Хочешь сказать, что терял сознание?

– Д-да... Кажется... Я уже объяснил все это вашим коллегам.

– А теперь объясни мне: ты помнишь, что делал перед тем, как вырубился?

– Нет... Не совсем... Я не уверен... Какой-то провал образовался...

– Провал в распорядке дня?

Сервас почувствовал, что Бекер смотрит не на Бохановски, а на него. Взгляд жандарма был весьма выразителен. Заметил он и то, что парень с трудом сохраняет видимость спокойствия. Он достаточно умен, чтобы понимать: провал работает против него.

– Да, – нехотя признался он.

– Последнее по времени из того, что ты помнишь...

– Помню, как сидел с друзьями в «Дублинцах», вечером – до того...

Сервас стенографировал ответы. Он не доверял веб-камере – как, впрочем, и всем прочим гаджетам.

Он знал это место. Во времена его учебы паб уже существовал. Сервас и его друзья устроили там свой генеральный штаб.

– Да.

– Что вы там делали? Который был час?

– Смотрели Чемпионат мира по футболу, матч открытия, ждали, когда будут играть наши.

– «Ждали»? Значит, ты не помнишь, видел матч Франция – Уругвай или нет?

– Нет... возможно... не могу сказать, что делал в течение вечера. Это прозвучит странно, но я не знаю, сколько это продолжалось... и не помню, в какой именно момент потерял сознание.

– Считаешь, тебя оглушили? Кто-то тебя ударил?

– Да нет, я проверял... шишки нет, голова не болит... Но я был как в тумане, когда очнулся, ничего не соображал...

Юго «сдувался» прямо на глазах: он осознавал, что все указывает на него как на виновного.

– Думаешь, тебя накачали наркотой?

– Очень может быть.

– Мы проверим. И где это случилось, в пабе?

– Да не знаю я ничего!

Сервас переглянулся с Бекером и прочел в его глазах приговор: виновен.

– Так, понятно. Память может вернуться в любой момент, и тогда ты немедленно все мне расскажешь, это важно.

Юго обреченно кивнул.

– Ясно, я не идиот.

– У меня к тебе последний вопрос: ты любишь футбол?

В голубых глазах юноши промелькнуло удивление.

– Люблю, а что?

– Твой кофе остынет, – бросил Сервас. – Пей, ночь может оказаться очень долгой.

– Женщина, одна, в незапертом доме, – сказала Самира.

– И никаких следов взлома, – добавил Эсперандье.

– Очевидно, она сама его впустила. В конце концов, он – ее ученик, у нее не было причин опасаться. Он сам признался, что бывал в доме. И звонил – восемнадцать раз! – за две последние недели... Хотел «поболтать о книгах»? Не смешите меня!

– Это он, – подвел итог Венсан.

Мартен взглянул на Самире, и она кивнула в знак согласия.

– Допустим. Его задержали в доме жертвы. Нет ни малейшего следа присутствия кого бы то ни было еще. Ничего. Нигде. Зато его следы повсюду. Тест на содержание алкоголя в крови дал результат ноль целых восемьдесят пять сотых промилле. Анализ покажет, принимал ли он наркотики – что вполне вероятно, учитывая состояние, в котором его нашли, – и какую именно дозу. Жандармы заявляют, что в момент обнаружения он находился в полной прострации и зрачки у него были расширены.

– Он сам сказал нам, что его накачали, – напомнил Сервас.

– И кто же это сделал? Его машина была припаркована недалеко от дома жертвы. Получается, за рулем был не он? Допустим, это так, но парень признался, что очнулся внутри, то есть настоящий убийца рискнул тащить его от машины к дому Клер? И его никто не видел? Чуть собака! На улицу выходит много домов, три стоят прямо напротив жилища жертвы...

– Все смотрели футбол, – заметил Сервас. – Даже мы.

– Не все: старик из дома напротив видел Юго.

– Но он не заметил, как парень пришел. Никто не заметил. Если он – убийца, зачем остался в доме?

– Ты не хуже нас знаешь статистику, – ответила Самира. – В пятнадцати процентах случаев преступник сам сдается представителям закона, пять процентов предупреждают третье лицо, которое оповещает полицию, а тридцать восемь – благоразумно ждут на месте преступления приезда служителей правопорядка, осознавая, что их вызвал свидетель. Именно так поступил и этот парень. На деле около двух третей всех преступлений раскрываются в первые часы после совершения – благодаря самим преступникам.

Да, цифры Сервас знал.

– Все так, но они потом не заявляют, что не виновны.

– Он был под наркотой, а когда начал отходить, осознал, *что* натворил и *что* ему грозит, – сказал Эсперандье. – Теперь он просто пытается спасти свою шкуру.

– Единственное, что остается выяснить, – продолжила Самира, – было ли убийство преднамеренным.

Они смотрели на Мартена, ожидая его реакции.

– Признайте, что преступление выглядит как инсценировка – из ряда вон выходящая инсценировка, – ответил он. – Веревки, лампа, куклы... Не рядовое преступление... Не стоит торопиться с выводами.

– У мальчишки был «приход», – высказалась Чэн, пожимая плечами, – приступ безумия. Не в первый раз наркоман выкидывает дикие штуки... Я его не чувствую... Но все факты против него, так? Черт, патрон, при любых других обстоятельствах вы бы пришли к таким же выводам, что и мы.

– На что это ты намекаешь? – возмутился Сервас.

– Вы сами сказали, что знали его мать. Если не ошибаюсь, именно она позвала вас на помощь.

Сервас внутренне ошетинился. Многие детали настораживали. «Инсценировка, лампа, куклы... И время...» Ему не давал покоя выбранный для преступления момент. Почему мальчик слетел с катушек именно сегодня вечером, когда все смотрели телевизор?

Случайность? Совпадение? После шестнадцати лет в полиции Сервас выбросил это слово из употребления. Юго любил футбол. Мог ли телеболельщик выбрать этот вечер для совершения убийства? Только если хотел избежать всеобщего внимания... А Юго не сбежал и дал себя арестовать.

– Расследование закончилось, не успев начаться, – заключила Самира, хрустнув пальцами.

Майор жестом остановил ее.

– Не совсем так. Вернитесь туда и убедитесь, что эксперты тщательно осмотрели машину Юго, и пусть пройдутся по ней цианоакрилатом.

Он подумал, что было бы хорошо использовать специальную камеру и «прочесать» машину вдоль и поперек: кабину вроде той, что используют кузовщики, приспособленную для испарения цианоакрилата – своего рода суперклея – путем его подогрева. При соприкосновении с жиром и потовыделениями пары цианоакрилата проявляют окрашенные в белый цвет отпечатки. Увы, в радиусе пяти километров в округе такой камеры не было, а о том, чтобы загрязнять рабочее место честного ремесленника полицейскими экспериментами, не могло быть и речи. Экспертам пришлось довольствоваться портативными распылителями. В любом случае ливень наверняка смыл следы.

– Опросите всех, кто живет около дороги, обойдите все дома на улице, один за другим.

– Беседовать с соседями в два часа ночи?!

– Так вытащите их из постелей. Я хочу получить ответ прежде, чем мы вернемся в Тулузу. Возможно, кто-то что-то видел, слышал, заметил этой ночью или в предыдущие дни, что-то подозрительное, необычное... неважно что, пусть даже не имеющее никакого отношения к случившемуся.

Он перехватил недоуменные взгляды помощников и прикрикнул:

– За работу!

7. Марго

Они ехали среди холмов. Стоял сентябрь, погода была теплая, почти летняя. Кондиционер в машине не работал, и Сервас опустил стекла. Он вставил диск Малера в плеер и почувствовал себя совершенно счастливым. Дело было не только в погоде – рядом сидела его дочь, и он вез ее в то место, которое очень хорошо знал, хоть и не был там много лет.

Мартен вел машину и вспоминал, какой посредственной ученицей была Марго в начальной школе, как она переживала кризис подросткового возраста. Сегодня его дочь увлекалась пирсингом, красила волосы в дикие цвета, обожала кожаные куртки-косухи и уж точно не была похожа на первую ученицу. Но сыщик знал, что выглядящая как «панкушка» Марго учится очень хорошо. Марсак был лучшим подготовительным заведением провинции. С самыми высокими требованиями. Чтобы туда поступить, необходимо было доказать, что ты этого достоин. Двадцать три года назад – в те времена он хотел стать писателем – Сервас был блестящим студентом. Но стал полицейским. Этим летним утром, везя дочь в Марсак, он чувствовал, что гордость переполняет его душу, как воздух надувает радужный мыльный пузырь.

– Здесь красиво, – сказала Марго, сняв наушники.

Мартен обвел взглядом окрестности. Дорога змеилась между зелеными холмами, тянулась через залитые солнцем леса и сияющие золотистым шелком поля пшеницы. Когда машина притормаживала на повороте, они слышали пение птиц и стрекот насекомых.

– Скучновато, разве нет?

– Ну-у-у, не знаю... А какой он, Марсак?

– Маленький город. Спокойный. Полагаю, студенческие пабы работают, как прежде. Почему ты выбрала Марсак, а не Тулузу?

– Из-за ван Акера. Он преподает литературу.

Даже теперь это имя действовало на Серваса, как электрический импульс, стимулирующий мертвую зону сердца. Сыщик постарался взять себя в руки.

– Этот ван Акер настолько хорош?

– Лучший на пятьсот километров вокруг.

Марго знала, чего хочет. Вне всяких сомнений. Сервас вспомнил слова женатого любовника своей дочери, которые тот сказал в их единственную встречу на площади Капитолия за несколько дней до Рождества: «Марго выглядит как бунтарка и ведет себя так же, но она потрясающая девушка – блестящая и независимая. И куда более зрелая, чем вы думаете». Тот разговор вышел трудным, резким, полным упреков и взаимных обвинений, но позволил сыщику понять, как плохо он знает свою дочь.

– Ты могла бы – на время – изменить манеру одеваться.

– А зачем? Их интересуют мои мозги, а не шмотки, которые я ношу.

Знакомьтесь – Марго... Сервас не был уверен, что ее аргумент убедит преподавателей. Они пересекли раскинувшийся на много километров Марсакский лес с дорожками для верховой езды, тропинками и автостоянками и въехали в город по длинной прямой платановой аллее – в молодости Сервас ездил по ней сотни раз.

– Тебя не напрягает пансионный режим с понедельника по субботу? – спросил он, осторожно ведя машину по булыжным мостовым мимо кафе и магазинчиков.

– Не знаю. – Марго смотрела в окно. – Я этим не заморачивалась. Надеюсь, здесь будут люди поинтересней лицейских кретинов. А в твои времена как все было?

Вопрос застал Серваса врасплох, отвечать ему не хотелось.

– Было здорово.

Много велосипедов на улицах – в Марсаке на них ездили не только студенты, но и профессора, приторочив кожаные рюкзаки и портфели с книгами к седлу или рулю. Здесь много

факультетов – права, точных и гуманитарных наук... А еще город словно бы поражен вирусом молодости. Большую часть года, за исключением летних месяцев, половина его обитателей – моложе двадцати пяти.

Они покинули город через северные ворота и увидели перед собой зеленую долину с линией густого леса в самой ее глубине.

– Там, – сказал Сервас.

Чуть впереди, справа, за широким лугом, стояло высокое длинное здание – старинный дом с печными трубами на крышах, окнами со средниками и затейливой архитектурой. Вокруг достопочтенного здания располагались современные малоэтажные постройки из бетона, разбросанные по лужайкам, как костяшки домино. Статуи с задумчивыми лицами, водоемы с зеленой водой, купы деревьев с захватчицей-омелой, теннисные корты, засыпанные в ноябре опавшей листвой, беговая дорожка, роща, где он любил гулять: она вела к высокому пологому холму, откуда открывался вид на белоснежные и осенью, и весной вершины Пиренеев.

Ледяная рука ностальгии стиснула сердце сыщика, и он, сам того не замечая, еще крепче сжал руль. Мартен долго мечтал о втором шансе, пока не понял, что его не будет. Свой второй шанс он упустил и закончит жизнь как начал – легавым. В конечном итоге мечты Серваса оказались переменчивыми, словно облака.

К счастью для майора, меланхолическое настроение ушло так же быстро, как нахлынуло.

Теперь они ехали по заасфальтированной аллее, проложенной между белой оградой, отделявшей их от луга и главного здания слева, и старых дубов, растущих вдоль правой обочины. На лугу резвились лошади. Сервас невольно вспомнил расследование, которое вел зимой 2008—2009-го.

– Следуй за своими мечтами, – внезапно произнес он.

И его голос прозвучал сдавленно...

Марго повернула голову и бросила на отца удивленный взгляд.

– Учеба в этом подготовительном классе потребует от вас мобилизации усилий и всех ваших способностей. Он создан для молодых людей с четко выраженной мотивацией и высокой работоспособностью. Два года, которые вы проведете у нас, будут способствовать творческому развитию ваших способностей, дадут возможность плодотворно трудиться, встречаться с интереснейшими людьми, вы накопите беспрецедентный опыт. Знания, которые мы даем, не игнорируют и бытовую, обыденную сторону жизни. В противоположность другим учебным заведениям, мы не одержимы статистикой, – ласково улыбаясь, объяснял директор лицея.

Сервас был уверен в обратном. Окно за спиной директора лицея было открыто, и Мартен мог видеть обвивающий стены плющ, слышать урчание машины для стрижки газона и стук молотка. Он знал, что кабинет находится на самом вершине круглой угловой башни и что окно выходит на тыльную сторону зданий. Он знал это место, как собственное жилище.

– Дублирование первого года допускается, только если с учащимся происходит серьезный несчастный случай или он тяжело заболевает, что должен подтвердить врач, выдав соответствующую справку. Разрешение повторить этот год дают директор и ученический совет класса. А вот повторение второго года часто бывает необходимым в связи со сложностью вступительных экзаменов в высшие учебные заведения. Все, кто в течение двух лет проявляют вышеперечисленные мной качества, получают такую возможность.

Солнечный луч осветил папку с именем Марго на обложке, когда директор открыл ее, достал оттуда листок и принялся изучать его.

– Поговорим о выборе дисциплин. Это очень серьезный вопрос. Не решайте легкомысленно, мадемуазель. Выбор дисциплин для вступительных экзаменов происходит в начале второго года обучения, но он будет обусловлен тем, какие предметы вы выберете для первого года.

Не советую перегружать себя, чтобы, так сказать, прикрыться... Нагрузка будет высокой, так что подобная стратегия только помешает.

Он начал считать, отгибая пальцы:

– На первом курсе у вас будет пять часов французского, четыре часа философии, пять – истории, четыре – живого языка «один», три – древних языков, два – живого языка «два», два – физического воспитания и...

– Я уже выбрала предметы, – прервала перечисление Марго. – Латынь и греческий. Театр. Живой язык «один» – английский. Живой язык «два» – немецкий.

Ручка директора лицея шустро летала по бумаге.

– Прекрасно. Такой выбор означает полную занятость на весь первый год, вы это понимаете?

– Да.

Директор одарил Серваса восхищенной улыбкой.

– Эта юная особа точно знает, чего хочет.

8. Музыка

Мартен вернулся к допросу подозреваемого в 2 часа 30 минут. На лице Бохановски читались усталость и испуг. Сыщик сразу почувствовал, что атмосфера изменилась. Давление и страх сделали свое дело. Близился час признаний. Спонтанных, пустых, правдивых, невероятных, вынужденных признаний... Я признаюсь, потому что это освобождает меня от груза вины, я признаюсь, потому что мне все осточертело, потому что я слишком устал и чувствую себя бессильным, потому что до ужаса хочу писать, признаюсь, потому что у мерзкого типа, что сидит напротив, воняет изо рта, я признаюсь, потому что схожу с ума из-за его воплей и он меня пугает, я признаюсь, потому что все этого жаждут, и потому, что у меня сейчас случится сердечный приступ, инфаркт миокарда, гипогликемическая кома, почечная недостаточность, эпилептический припадок... Сервас прикурил сигарету и протянул ее Юго, наплевав на запрещающую табличку на стене. Тот взял сигарету. Сделал первую затяжку. Его лицо выражало благодарность спасенного утопающего, которому дали флягу с пресной водой. Сервас заметил, что юноша не глотает дым, но сигарета совершенно определенно успокоила его. Он смотрел на полицейского и молчал. Дождь колошматил по мусорным бакам.

Они были одни. Так поступают всякий раз, когда у кого-то из членов следственной бригады устанавливается особый контакт с подозреваемым. Не имело значения, удалось это сделать руководителю группы или его подчиненному: главное было начать диалог.

– Хочешь еще кофе?

– Спасибо, нет.

– Воды? Сигарету?

Юноша покачал головой.

– Я бросил курить, – сказал он.

– Когда?

– Восемь месяцев назад.

– Мы можем продолжить?

В глазах Юго заплескалась паника.

– Я думал, мы уже все прояснили...

– Вовсе нет... Остались некоторые неясные моменты, – бросил Сервас, открывая блокнот. – Хочешь отложить разговор?

Юго снова покачал головой.

– Нет-нет, я в порядке.

– Вот и хорошо. Еще час или два – и сможешь поспать.

– Где? – Глаза Юго округлились от ужаса. – В тюрьме?

– Пока что – в камере предварительного заключения. Но тебя переведут в Тулузу, теперь это дело в их юрисдикции.

Лицо Юго мертвенно побледнело.

– Я бы хотел позвонить матери...

– Это против правил, но ты сможешь это сделать, когда мы закончим, идет?

Юноша заложил руки за голову, откинулся на спинку стула и вытянул длинные ноги под столом.

– Постарайся припомнить, не показалось ли тебе что-нибудь странным этим вечером?

– Что именно?

– Ну, не знаю... важна каждая деталь... Что-то, вызвавшее у тебя беспокойство... возможно, какая-то вещь стояла не на своем месте... Вспоминай.

Юго пожал плечами.

– Ничего такого.

– Напрягись, если хочешь спасти свою шкуру!

Майор повысил голос, и Юго удивленно посмотрел на него. За окном громыхнуло – гроза не желала сдаваться.

– Музыка...

– Что – музыка? – насторожился Сервас.

– Я знаю, это прозвучит по-идиотски, но вы просили...

– Я знаю, о чем я просил. Ну, и?.. Что там с музыкой?

– Когда я очнулся, звучала музыка, из стереосистемы...

– И все? А что тут необычного?

– Ну... – Юго задумался. – Когда я приходил, Клер иногда ставила музыку, но... никогда такую...

– И что же это была за музыка?

– Классическая...

Сервас пристально посмотрел на задержанного. Классическая... Дрожь пробежала у него по позвоночнику.

– Обычно Клер не слушала подобные сочинения?

Парень покачал головой.

– Ты уверен?

– Насколько я знаю, не слушала... Она любила джаз... или рок. Даже хип-хоп. Но классику я слышал впервые. Я точно помню, что мне это показалось странным. Зловещая музыка, открытые двери, и никто не откликается – я звал... Это было не в стиле Клер.

Мартен ощущал растущее беспокойство. Глухое, смутное чувство.

– Больше ничего?

– Нет.

Классическая музыка... В голове у сыщика промелькнула идея, но он немедленно прогнал ее, как полную нелепицу.

Когда Сервас вернулся на место преступления, там царила все та же деловая суета. По улочке было не проехать из-за фургонов и машин. Несмотря на поздний – или ранний, как посмотреть, – час, появились и журналисты с микрофонами, камерами и привычной профессиональной ажитацией. Судя по минивэну с тарелкой на крыше, в завтрашних теленовостях рассказывать будут не только о футболе, хотя Сервас не сомневался, что убийство преподавателя античной литературы и древних языков не затмит слабой игры национальной сборной.

Он поднял воротник промокшей куртки и пробежал по мокрому асфальту, прикрываясь ладонью от блицев фотоаппаратов.

Узкий проход от входной двери до окон был огорожен желтыми лентами. Сервас заметил стереосистему, но эксперты колдовали вокруг нее со своими кисточками и химикалиями, и он решил осмотреть сад. Куклы исчезли. Техники расставляли пирамидки с номерами на траве и между деревьями – там, где могли находиться гипотетические улики. Пул-хаус был открыт и ярко освещен. Сервас подошел ближе и увидел, что внутри, присев на корточки, что-то делают двое сотрудников в белых комбинезонах. Он сумел рассмотреть раковину, сложенные шезлонги, сачки, игры и бидоны с составами для чистки бассейна.

– Нашли что-нибудь?

Один из экспертов взглянул на него через оранжевые очки и отрицательно покачал головой.

Мартен обошел бассейн. Медленно. И направился через промокшую лужайку к лесу. Газон заканчивался у плотной стены зелени. Изгороди здесь не было – деревья служили естественной преградой. Сервас обнаружил две узкие просеки, где было темно, как в печке. Дождь бомбардировал кроны деревьев у него над головой, но на землю не падал. Первый проход через несколько метров закончился тупиком. Сервас вернулся на лужайку и пошел по второй про-

секе, больше напоминавшей едва заметную расселину между стволами деревьев и кустами или серебряную жилу в кварценосной породе. Листва сомкнувшихся над головой деревьев защищала сыщика от дождя, он светил фонарем на ветки, чтобы не зацепиться, и смотрел под ноги, боясь оступиться на пружинящем ковре из опавших листьев, хвои и сучков. Сервас преодолел дюжину метров, но проход остался таким же узким, и он вернулся, решив, что обследует все еще раз при свете дня. У самого выхода он заметил на земле что-то белое и посветил фонариком.

Кучка маленьких светлых цилиндров на темной земле и листьях.

Сигареты...

Он нагнулся. Окурки. Штук шесть.

Кто-то стоял здесь – довольно долго – и курил. Сервас поднял голову. С того места, где он сейчас находился, четко просматривалась сторона дома, выходящая на сад. Он мог видеть балконные двери, гостиную, освещенную полицейскими прожекторами, и даже обстановку за шторами. Идеальный наблюдательный пункт.

Сервас почувствовал, как зашевелились волосы на затылке. Тот, кто следил отсюда за домом, хорошо знал это место. Мартен попытался убедить себя, что речь идет о садовнике или о самой Клер Дьемар, но эта гипотеза не выдерживала никакой критики. Прятаться здесь, в кустах, и курить одну сигарету за другой мог лишь человек, шпионивший за молодой женщиной.

Майор снова задумался. Юго пришел с улицы, оставив машину перед домом. С чего бы ему следить за Клер от лесной опушки? Он признал, что бывал у нее много раз. Может, ему захотелось поиграть в вуайериста?

Неожиданно у Мартена появилось неприятное чувство, что им пытаются манипулировать, как в цирке, когда клоун на арене отвлекает внимание публики, а главное – и самое захватывающее – происходит в другом месте. Одна рука на свету, для зрителей, другая – в тени. Некто хотел заставить их смотреть не в ту сторону... Подготовил сцену, выбрал декорации, актеров и даже зрителей... Сервасу показалось, что он угадывает за случившейся драмой чью-то тень, и тревога усилилась.

Сыщик нахмурился и пошел в дом, наплевав на дождь. Вытер ноги на коврик у входной двери. Эксперты в маленькой гостиной закончили обрабатывать стереосистему.

– Хотите взглянуть? – спросил один из них, протягивая Сервасу резиновые перчатки, бахилы и смешную шапочку, придававшую всем членам бригады вид клиенток парикмахерской.

Сервас экипировался и поднял ленту ограждения.

– Есть одна странность, – сказал эксперт.

Майор вопрошающе поднял брови.

– Сотовый парня нашли у него в кармане, а телефон жертвы как сквозь землю провалился, хотя мы искали повсюду – и тщательно.

Сервас занес информацию в блокнот, подчеркнув двумя чертами слово «телефон». Он вспомнил, что с мобильного Юго восемнадцать раз звонили жертве. Почему он выбросил телефон Клер, а не свой?

– А что насчет этого? – спросил он, указав подбородком на стереосистему.

Эксперт пожал плечами:

– Ничего интересного. Отпечатки есть и на проигрывателе, и на дисках, но это отпечатки жертвы.

– В плеере диска не было?

Эксперт ответил недоумевающим взглядом: мол, какое это имеет значение? На столе лежало несколько запечатанных целлофановых пакетиков с уликами для лаборатории. Экс-

перт, не говоря ни слова, протянул один Сервасу, тот молча взял его и заглянул в коробку с диском.

Узнал его.

Густав Малер... «Kindertotenlieder»: «Песни об умерших детях». Запись 1963 года, в исполнении баритона Дитриха Фишера-Дискау, дирижер – Карл Бём. У Серваса был точно такой же.

9. Белизна

Юго упоминал музыку. Но не сказал, что именно он слышал. Музыка отсылала Серваса к расследованию 2008—2009-го. Снег, ветер, белый цвет. Главенство белого снаружи и внутри. Цвет смерти и цвет траура на Востоке. Цвет ритуалов перехода. Такого, как в тот декабрьский день 2008 года. Когда они ехали по засыпанной снегом долине среди елей под равнодушным оком серого, как лезвие бритвы, неба.

Институт Варнье. Изолированное от внешнего мира место. Каменные стены так называемого «монтаньярского» стиля. В начале XX столетия в этом стиле здесь возводили не только особняки, но и гидроэлектростанции. В те времена верили в будущее и строили «на века». Пустынные коридоры, бронированные двери, биометрическая система безопасности, камеры, охранники. Ничего лишнего, учитывая число постояльцев и степень их опасности. А вокруг – горы: огромные, враждебные, грозные. Все равно что вторая тюрьма.

И, наконец, человек.

Юлиан Алоиз Гиртман. Родился сорок пять лет назад в Эрмансе, во Французской Швейцарии. У них с Сервасом не было ничего общего – кроме музыки Малера. Оба могли ответить на любой вопрос о творчестве австрийского композитора. Сыщик криминальной полиции – и серийный убийца, вырвавшийся на свободу два года назад. Гиртман, бывший прокурор Женевы, устраивавший оргии на своей вилле на берегу Женевского озера, был арестован за двойное убийство – жены и ее любовника, которое совершил в ночь на 21 июня 2004 года. При обыске были найдены записи, позволявшие предположить, что за двадцать пять лет швейцарец совершил около сорока убийств и стал одним из опаснейших преступников современности. Его держали во многих психиатрических заведениях, потом он попал в Институт Варнье, единственное в своем роде европейское медико-пенитенциарное заведение: сюда переводили чудовищных убийц, которых признавали невменяемыми у них на родине. Сервас участвовал в расследовании, предшествовавшем – и в некотором смысле спровоцировавшем побег Гиртмана. Незадолго до этого Сервас посетил его в камере.

Сбежав, швейцарец растворился, исчез в облаке дыма, как джинн. Майор всегда был уверен, что рано или поздно Гиртман объявится, всплывет на поверхность. Без должного лечения его побуждения и инстинкты охотника неизбежно проснутся.

Но это не значит, что его легко будет поймать.

По мнению психолога-криминалиста Симона Проппа, участвовавшего в расследовании, Гиртман был не просто манипулятором и умным социопатом, он стоял особняком в ряду закоренелых преступников. Этот человек принадлежал к той редчайшей категории серийных убийц, которые способны совмещать полноценную жизнь в обществе с преступной деятельностью. Личностные расстройства почти всегда так или иначе затрагивают интеллектуальные способности и социальные навыки убийц, страдающих навязчивыми состояниями. Швейцарец двадцать лет занимал высокие должности в судебной системе Женевы, одновременно похищая, пытая и убивая женщин. Число его жертв достигло сорока. Поиск Гиртмана стал приоритетной задачей: многие парижские и женеvские сыщики посвящали этому большую часть своего времени. Сервас не был в курсе розыскных мероприятий, но иногда звонил коллегам.

Он вспомнил, как выглядел Гиртман в камере. Комбинезон, застиранная белая футболка, очень темные волосы и бледная, почти прозрачная кожа. Он похудел, был небрит, но остался цивилизованным, улыбающимся и крайне вежливым. Сервас был уверен, что, даже стань Гиртман бездомным, он не утратил бы облик образованного и обходительного человека. Сыщик не видел никого, кто бы так мало походил на серийного убийцу. Его выдавал только взгляд –

неморгающий и поражающий, как тазер⁹. В лице Гиртмана была обвиняющая суровость, но нижняя часть – особенно рот – выдавала в нем сластолюбца. Ему подошла бы роль лицемерного проповедника, который в 1692 году посылал на костер «ведьм» в Салеме, инквизитора или обвинителя на процессах в сталинской России. Гиртман имел репутацию неумолимого прокурора – и устраивал на вилле садомазохистские вечеринки, «сдавая напрокат» собственную жену влиятельным извращенцам. Ненасытным мужчинам, которые, как и он сам, жаждали удовольствий и утех, выходящих далеко за рамки общественной морали. Бизнесмены, судьи, политики, артисты. Могущественные, богатые и ненасытные.

Сервас не мог отделаться от мыслей о Гиртмане. Как он сейчас выглядит? Сделал пластическую операцию или ограничился полумерами – отпустил бороду, покрасил волосы и вставил контактные линзы? Вопросы, вопросы... без ответов. Сервас не был уверен, что узнает замаскировавшегося Гиртмана в толпе, окажись тот на расстоянии вытянутой руки, и это его пугало.

Он вернул эксперту диск, шурясь под слепящим светом прожекторов.

Тот же самый музыкальный отрывок, «*Kindertotenlieder*», Юлиан Гиртман выбрал в вечер убийства своей жены и ее любовника... Мартен знал, что, закончив первичный осмотр, должен будет сделать несколько звонков, поговорить с разными людьми. Он не понимал ни как получилось, что на месте преступления задержали сына женщины, в которую он был когда-то влюблен, ни откуда там взялся диск с музыкой-напоминанием о самом опасном из убийц, но одну вещь знал твердо: расследование *затрагивает его лично*.

Они вернулись в Тулузу под проливным дождем к четверем утра и посадили Юго в одну из камер предварительного заключения на третьем этаже. Все камеры располагались напротив кабинетов, так что на допрос далеко ходить не приходилось. Решеток не было, их заменяло прозрачное закаленное стекло. Сервас взглянул на часы.

– Ладно, пусть отдохнет, – сказал он.

– А что дальше? – спросил Эсперандье, подавляя зевок.

– Время пока есть. Занеси часы отдыха в журнал и в протокол, проследи, чтобы парень расписался на полях, и узнай, не голоден ли он.

Сервас обернулся. Самира разряжала оружие в «баллистический колодец» – стальной помойный бак, бронированный кевларом. Во избежание несчастных случаев агенты проводили эту процедуру после каждого выезда на задание. В отличие от большинства коллег, Самира носила кобуру на бедре. Сервас находил, что это придает ей ковбойский вид. По имеющимся сведениям, она еще ни разу не пускала в ход оружие, но показывала превосходные результаты на стенде – не в пример ему самому. Сервас приводил в отчаяние своего инструктора, который считал, что майор не попадет и в слона при встрече в коридоре, и прозвал его *Дардевилом*. Сервас шутки не понял, и инструктор объяснил, что Дардевил – супергерой из комикса, прозванный Сорвиголовой. Наделенный фантастической интуицией, но... *слепой*. Сервас никогда не пользовался «баллистическим колодцем» – во-первых, потому, что, отправляясь на задание, через раз забывал взять оружие, а возвращаясь в отдел, просто запирает пистолет в сейф. Кроме того, большую часть времени его пушка оставалась незаряженной.

Сыщик прошел по коридору в свой кабинет. Предстояло заполнить кучу бумаг, что не улучшало ему настроения. Он подошел к окну, выходящему на канал: дождь поливал кирпичные донжоны, украшающие фасад здания, ночь уже побледнела, но до рассвета было еще далеко. Сервас увидел в стекле свое расплывчатое отражение, успел поймать выражение лица – и оно ему не понравилось. Он выглядел обеспокоенным и напряженным. И настороженным.

– С тобой хотят поговорить, – произнес голос у него за спиной.

⁹ Тазер – нелетальное электрошоковое оружие. От обычного электрошокера тазер отличает способность поражать цель на расстоянии (от 4,5 до 10 метров, в зависимости от модели).

Сервас оглянулся. Это был один из дежурных.

– Кто именно?

– Семейный адвокат. Он просит разрешить ему свидание с клиентом.

Майор нахмурился.

– Задержанный не требовал адвоката, а часы посещения прошли, – буркнул он. – И мэтру это известно.

– Все верно. Но он просит об одолжении. Сказал, что должен поговорить с тобой пять минут, и добавил, что действует по поручению матери.

Сервас задумался. Стоит удовлетворить просьбу адвоката или нет? Он понимал, какой ужас чувствует Марианна. Что она рассказала юристу об их отношениях?

– Где он?

– Внизу, в холле.

– Хорошо, я сейчас спущусь.

Выйдя из лифта, Сервас застал двух дежурных перед маленьким телевизором, спрятанным за полукруглой стойкой. На экране по зеленому полю бегали крошечные зеленые человечки в синей форме. Время было позднее, значит, давали повтор матча. Сыщик вздохнул, подумав об иронии момента: целые страны стоят на пороге гибели, четыре всадника Апокалипсиса – финансы, политика, религия и истощение ресурсов – заставляют людей суесться, но муравейник продолжает суесться на вулкане и пылать страстью к таким ничтожным вещам, как футбол. Сервас сказал себе, что в тот день, когда мир рухнет, уничтоженный климатическими катастрофами, крахом бирж, массовыми убийствами и мятежами, одни дураки будут забивать голы, а другие – еще более глупые – отправятся на стадион и станут за них болеть.

Адвокат сидел на стуле в пустом полутемном холле. Днем здесь всегда было полно народу. Никто не приходит в комиссариат ради удовольствия, у каждого своя боль, дежурные вынуждены сдерживать толпу отчаявшихся, разъяренных или напуганных людей. Но в этот час маленький человечек был один. Он сидел, поставив портфель на сведенные колени, и протирал очки в рассеянном свете ламп. А за окном по-прежнему шел дождь.

Адвокат услышал, как открылись двери лифта, вернул очки на нос и поднял глаза. Сервас знаком позвал посетителя, и тот пошел навстречу сыщику, протягивая ему руку. Рукопожатие вышло вялым, ладонь у юриста была прохладная и пухлая. Потом он решил поправить галстук – как будто хотел вытереть руку.

Мартен решил сразу перейти в наступление.

– Вы ведь знаете, мэтр, что вам здесь нечего делать. Юноша не просил о встрече с вами.

Шестидесятилетний коротышка-адвокат смерил его взглядом, и Сервас насторожился.

– Конечно, знаю, майор. Но Юго был не совсем адекватен, когда вы спрашивали, нужен ли ему адвокат. Его явно накачали наркотиками – и анализы это подтвердят. Потому-то я и прошу вас изменить позицию и задать ему вопрос еще раз.

– У нас нет никаких причин делать это.

Глаза за стеклами очков блеснули.

– Понимаю. И взываю к вашей... человечности и вашему чувству справедливости.

– К моей... *человечности*?

– Да. Именно так выразилась особа, пославшая меня... Вы ведь понимаете, о ком я говорю.

Адвокат не сводил глаз с майора, ожидая ответа.

Он знает о них с Марианной...

Сервас почувствовал гнев.

– Мэтр, не советую вам...

– Вы, конечно, понимаете, как она огорчена случившимся. Впрочем, «огорчена» – не то слово. «Потрясена», «напугана», «уничтожена»... так будет вернее. Это маленькая уступка, майор. Я ни в коем случае не собираюсь мешать вам, просто хочу увидеть мальчика. Она умоляет вас снизить до моей просьбы, именно так выразилась моя клиентка. Поставьте себя на ее место. Представьте, что бы чувствовали вы, окажись на месте Юго ваша дочь. Десять минут. Не больше.

Мартен взглянул в лицо адвокату. Тот выдержал взгляд: в его глазах не было ни презрения, ни печали, ни неловкости. В стеклах очков отражалось лицо сыщика.

– Десять минут.

Суббота

10. Воспоминания

Казалось, небо не плачет, а истекает желчью, а может, кто-то наверху решил выжать на землю грязную губку. Дождь все шел и шел, заливая дороги и леса, небо было серо-желтым, как разлагающийся труп, а воздух – тяжелым, липким и влажным. Суббота, 12 июня. Еще не было и восьми утра, когда Сервас выехал в Марсак, на сей раз один.

Он поспал часа два в одной из камер предварительного заключения, ополоснул подмышки и лицо в туалете, вытерся бумажным полотенцем, но завтрак не стал.

Правой рукой сыщик держал руль, левой – термос с теплым кофе и сонно моргал в такт движению дворников. Проявив чудеса ловкости, он зажал в пальцах левой руки сигарету и жадно затягивался, чтобы просветлела голова. Костер памяти разгорался стремительно и жарко, выталкивая на поверхность картины прошлого. Годы молодости, напоенные ароматом местности, по которой он сейчас ехал. Осенью сухие листья кружились над дорогой и приземлялись на обочины; длинные коридоры, мрачные и безмолвные, наполнялись серым светом бесконечно дождливого ноября; потом наступал декабрь с его снежной белизной, в спальнях, за закрытыми дверями, весело гремел рок, близилось Рождество; весной набухали почки, повсюду, как пение сирен, как потерянный рай, расцветали цветы, маня их на волю в тот самый момент, когда приходилось вкалывать, чтобы в апреле и мае не провалить письменные зачеты. В июне наступала удушающая жара, бледно-голубое небо довлело над землей, свет становился слишком ярким, гудели насекомые.

А еще лица.

Десятки лиц... Юные, честные, лукавые, одухотворенные, пылкие, сосредоточенные, дружелюбные, полные надежд, мечтаний и нетерпеливой жажды жизни.

Марсак: пабы, кинотеатр «Art et Essai», где крутили Бергмана, Тарковского и Годара, улицы и скверы. Он любил те годы. О да, он очень любил тогдашнюю беззаботность, головокружительные мгновения счастья и приступы хандры, острой, как «приход» от ЛСД...

Худшая часть той жизни звалась Марианна...

Сервас думал, что рана не затянется никогда, но двадцать лет спустя это случилось, и теперь он был способен оценивать ее с отстраненным интересом археолога. Во всяком случае, так он считал до вчерашнего вечера.

Мартен миновал длинную платановую аллею и поехал по тряским булыжным мостовым старых улочек. Город выглядел иначе, чем накануне вечером, в темноте. Гладкие лица студентов под глянцевыми капюшонами ветровок *K-way*¹⁰, стоящие в ряд велосипеды, витрины магазинов, пабы, фасады, темные от воды навесы над террасами... Все это напрыгнуло на него, словно за двадцать лет ничего не изменилось: прошлое подстерегало Серваса, караулило, надеясь, что он вернется, и тогда оно схватит его за горло и утопит в воспоминаниях.

¹⁰ Ветровка из ветронепроницаемого, водоотталкивающего нейлона, которая легко трансформируется в компактную сумочку.

11. Друзья и враги

Он вышел из машины, посмотрел на пробежавших мимо лицеистов, ведомых преподавателем физкультуры с непроницаемым лицом, и вспомнил одного из своих учителей, который любил унижать учеников, чтобы закалить их. Мартен поднимался по ступеням, глядя на пасущихся на лугу лошадей. Невозмутимы, как вечность.

– Я майор Сервас, – сообщил он секретарше, – мне нужно видеть директора.

Она бросила подозрительный взгляд на его промокшую одежду.

– У вас назначена встреча?

– Я расследую смерть профессора Дьемар.

Сервас заметил, что глаза женщины за стеклами очков подернулись влагой. Она сняла трубку, что-то тихо сказала, потом встала и вышла из-за стола.

– Не беспокойтесь, я знаю дорогу, – сказал он.

Секретарша заколебалась, но в конце концов вернулась на свое место. Вид у нее был опечаленный.

– Мадам Дьемар... – начала она. – Клер... Она была хорошим человеком. Надеюсь, вы накажете того, кто это сделал.

Она сказала «накажете», а не «найдете». Сервас не сомневался: все в Марсаке знают, что Юго задержан на месте преступления. Он простился с секретаршей и направился в кабинет директора. В этой части здания царила тишина, занятия проходили в бетонных корпусах-кубах, выстроенных на лужайках, и в ультрасовременном амфитеатре (когда Сервас учился в Марсаке, его еще не было). Он поднялся по лестнице в круглой башне и остановился отдышаться. Дверь почти сразу распахнулась, и на пороге появился директор. Выражение лица у него было скорбно-серьезным – под стать случаю, но, увидев Серваса, он не сумел скрыть удивления.

– Я вас помню. Вы...

– Отец Марго. И мне поручено расследование убийства.

Лицо директора вытянулось.

– Чудовищная история... Какой удар по репутации нашего заведения: ученик убил преподавателя!

Ну конечно...

– Я не знал, что дело уже закрыто, – произнес Сервас, входя в комнату, – а его детали обнаружены.

– Юго ведь арестовали у мадемуазель Дьемар, верно? Все свидетельствует против него, это очевидно.

Сервас «заморозил» собеседника взглядом.

– Я понимаю, как вам хочется, чтобы дело закрыли как можно быстрее... в интересах лица.

– Именно так.

– Тогда позвольте нам делать нашу работу. Надеюсь, вы понимаете, что больше я пока ничего сказать не могу.

Директор слегка покраснел и энергично закивал.

– Да-да, конечно, безусловно... Само собой разумеется... Естественно, да-да, естественно.

– Расскажите мне о ней, – попросил Сервас.

Его собеседник изменился в лице.

– Что... что вы хотите знать?

– Она была хорошим преподавателем?

– Да... Ну... Как вам сказать... Мы не всегда сходились во взглядах на... методические приемы... но ученики... ученики... э-э-э... они ее очень любили.

– Какого рода отношения были у Клер Дьемар со студентами?

– Что значит... О чем вы?

– Она была близка с ними? Держала дистанцию? Проявляла строгость? Или дружелюбие? Возможно, близость была излишней – на ваш взгляд? Вы сказали, что ученики очень ее любили.

– Отношения были нормальными.

– Кто-то из учеников или преподавателей мог ей завидовать?

– Я вас не понимаю...

– Клер была красивой женщиной. Коллеги и даже студенты могли проявлять к ней не только деловой интерес. Она никогда вам не жаловалась?

– Нет.

– Никаких предсудительных отношений с учениками?

– Гм-гм. Насколько мне известно, нет.

Сервас уловил разницу между двумя ответами. Он решил вернуться к этой проблеме позже.

– Могу я осмотреть ее кабинет?

Толстяк достал из ящика ключ и, тяжело переваливаясь, пошел к двери.

– Следуйте за мной.

Они спустились на этаж ниже. Прошли по коридору. Мартен не забыл, где располагались кабинеты преподавателей. Ничего не изменилось. Тот же запах воска, те же белые стены, те же скрипучие полы.

– О господи! – произнес директор.

Сервас проследил за его взглядом и увидел под одной из дверей многоцветное нагромождение: букеты цветов, сложенные вчетверо записочки. Написанные от руки и напечатанные на компьютере, свернутые в трубочку и перевязанные ленточкой, несколько свечей. Мужчины переглянулись и на короткое мгновение окунулись в печальную торжественность, но Сервас почти сразу осознал, что новость уже облетела дортуары, нагнулся, взял одну из бумажек и развернул ее. Несколько слов, написанных фиолетовыми чернилами: «Свет погас. Но он продолжит сиять в нас. Спасибо». И все... Мартен, как это ни странно, растрогался и решил больше не заниматься записками: он поручит это кому-нибудь из группы.

– Что вы обо всем этом думаете? Как мне поступить? – Директор был скорее озабочен, чем взволнован.

– Ничего не трогайте, – ответил Сервас.

– Как долго? Не уверен, что это понравится другим преподавателям.

«Больше всего это не нравится тебе, старый сухарь», – подумал сыщик.

– Как долго? На время расследования это... место преступления, – сказал он, бросив выразительный взгляд на собеседника. – Они живы, она мертва – думаю, это вполне уважительная причина.

Старик пожал плечами и открыл дверь.

– Это здесь.

Входить ему явно не хотелось. Сервас прошел первым, перешагнув через букеты и свечи.

– Спасибо.

– Я вам еще нужен?

– Не сейчас. Думаю, я сам найду выход.

– Гм-гм. Когда закончите, не сочтите за труд вернуть мне ключ.

Он в последний раз кивнул и пошел прочь. Сервас смотрел ему вслед.

Надев перчатки, майор закрыл дверь. Белая комната. Полный беспорядок. В центре – письменный стол, на нем кипа бумаг, стаканчики с шариковыми ручками, фломастерами и карандашами, пластиковые папки, разноцветные блоки клейких листочков, лампа и телефон. Позади стола – окно, разделенное на шесть неравных частей: три прямоугольные вытянуты в длину, под ними три короткие. Сервас мог видеть деревья на обоих дворах – для лицеистов и студентов подготовительного отделения – и спортивные площадки под струями ливня. Вдоль всей правой стены стояли белые стеллажи с книгами и альбомами. Слева от окна, в углу, громоздился массивный компьютер старого образца. На стене висели десятки рисунков и репродукций, они были приколоты в произвольном порядке и образовывали подобие пестрой чешуи. Большую часть Сервас узнал.

Он медленно обвел комнату взглядом. Обогнул стол и сел в кресло.

Что пытался найти майор? Для начала он хотел понять ту, что здесь обитала и работала. Даже рабочий кабинет становится отражением личности хозяина. *Что видел Сервас?* Женщину, любившую окружать себя красотой. Она выбрала кабинет, из которого открывался лучший вид на лес и спортивные площадки. Возможно, хотела напитаться другими формами прекрасного?

«Красота будет потрясением или не будет красотой».

Фраза была написана крупными буквами на стене, между репродукциями и картинами. Сервас знал автора изречения. Андре Бретон. Что нашла в этих словах Клер? Он встал и подошел к стеллажам у противоположной стены. Античная литература (знакомая область!), современные авторы, театр, поэзия, словари – и куча книг по истории искусства. Вазари, Витрувий, Гомбрих, Панофский, Винкельман... Он вдруг вспомнил круг чтения своего отца. *Клер интересовали практически те же книги...*

Кусочек металла, засевший в области сердца. Не так глубоко, чтобы убить, и достаточно глубоко, чтобы причинять боль... Как долго тень покойного отца может преследовать сына? Взгляд Серваса блуждал по корешкам книг, но смотрел майор не на них, а назад, в глубь прошлого. В молодости ему казалось, что он избавился от наваждения, что со временем воспоминание сотрется и в конце концов перестанет причинять боль. Всеобщее заблуждение. Потом Сервас понял, что тень осталась при нем. Ждет, когда он повернет голову. У тени, в отличие от него самого, впереди была вечность. Она ясно давала понять: *«Я тебя никогда не отпущу».*

Мартен осознал, что можно стереть воспоминание о женщине, которую любил, о предавшем тебя друге, но не об отце-самоубийце, решившем, что найти его тело должен сын.

Сервас в который уже раз вспомнил боковой вечерний свет, вливавшийся через окно в кабинет, ласкающий обложки книг, как в фильмах Бергмана, танцующие в воздухе пылинки, услышал музыку: Малер. Он увидел мертвого отца – тот сидел в кресле с открытым ртом, из которого на подбородок стекала белая пена. *Яд...* Отец отравился – как Сенека или Сократ. Именно отец привил ему вкус к этой музыке и этим авторам в то время, когда был строгим преподавателем, которого тем не менее уважали и любили ученики. Отец Серваса пережил смерть жены, а если быть более точным – изнасилование и убийство жены у него на глазах... Он выдержал десять лет медленного погружения в адскую бездну. Наказывая себя за то, что ничем не мог ей помочь: изголодавшиеся волки, ворвавшиеся в дом тем июльским вечером, привязали его к стулу... А потом, в один разнесчастный день, Сервас-старший решил со всем этим покончить. Раз и навсегда. Не убивать себя постепенно с помощью спиртного, а поставить точку на *античный манер... с помощью яда...* Отец устроил все так, чтобы его нашел не кто-то другой, а сын. Зачем? Сервас так и не нашел внятного ответа на этот вопрос, но через несколько недель бросил учебу и поступил на службу в полицию. Мартен встряхнулся. «Соберись! Что ты здесь ищешь? Соберись, черт тебя подери!» Он начинал понимать личность Клер Дьемар. Эта женщина жила одна, но наверняка не страдала от одиночества. Она принадлежала

к интеллектуальной элите, любила красоту и была чуточку богемной оригиналкой. Неудавшаяся художница, тратившая весь свой талант на учеников.

Внезапно внимание Серваса привлекла открытая тетрадь на письменном столе. Он наклонился и прочел:

«Слово «друг» порой лишено смысла, чего не скажешь о слове «враг».

Мартен перелистал страницы и не нашел других записей. Понюхал тетрадь. Новая... Судя по всему, Клер Дьемар только что ее купила. Сервас еще раз прочел фразу о словах и задумался. Что она хотела сказать? И кому? Себе самой или кому-то другому? Сыщик переписал изречение в блокнот.

Его мысли вернулись к мобильному телефону жертвы.

Если Юго виновен, у него не было никаких причин выбрасывать телефон. Все свидетельствовало против него: присутствие на месте преступления, физическое состояние и собственный сотовый в кармане с множеством звонков на номер Клер. Абсурд. Если же Бохановски не убийца, но телефон спрятал, значит, он идиот. С телефоном или без него, «Телеком» через несколько часов выдаст список входящих и исходящих звонков с номера молодой женщины. И что с того? Большинство преступников, благодарение Небу, глупы как пробки. Но, если предположить, что Юго накачали наркотиками и доставили в дом Клер, чтобы превратить в козла отпущения, если в тени притаился ловкий манипулятор, он просто не мог допустить настолько глупую ошибку.

Существует и третий вариант. Парень виновен, а телефон исчез по причинам, не имеющим никакого отношения к преступлению. Очень часто в расследованиях присутствует упрямый фактик, этакая заноза в заднице следователей, а потом выясняется, что он никак не связан со всеми остальными фактами и обстоятельствами.

В комнате было невероятно душно. Сервас распахнул центральную створку, подставил лицо ласке напоенного влагой ветерка и сел за компьютер. Древняя машина стонала и скрипела добрых полминуты, после чего экран наконец засветился. Никакого пароля. Сервас нашел иконку почты и кликнул по ней. На сей раз пароль потребовался. Он заглянул в свои записи и попытался угадать пароль, комбинируя дату рождения с инициалами, но это не сработало. Он напечатал слово «куклы». Тоже ничего. Клер преподавала древние языки и культуры, и следующие полчаса Сервас пробовал имена греческих и римских философов и поэтов, названия произведений, имена богов и мифологических героев и даже такие термины, как «оракул» и «ретра», то есть закон, сформулированный в виде краткого изречения, заучиваемый наизусть. И всякий раз получал отказ: «Неверный логин или пароль».

Мартен готов был отступить, когда его взгляд снова упал на стену с картинками и изречением. Он напечатал «Андре Бретон», и почта наконец открылась.

Пусто. Белый экран. Ничего.

Сервас проверил «отосланные сообщения» и «корзину». Та же история. Он откинулся на спинку кресла.

Кто-то вычистил почту Клер Дьемар.

Сыщик понял, что был прав: дело не такое простое, каким может показаться на первый взгляд. В нем есть мертвая зона. Слишком много фактов, не укладывающихся в рамки. Он достал мобильник и набрал номер криминалистов. Ему ответили со второго гудка.

– Вы нашли компьютер в доме Клер Дьемар?

– Да. Ноутбук.

Для экспертов стало рутиной разбираться с сообщениями и жесткими дисками жертв преступлений.

– Вы успели в нем покопаться?

- Не успели.
- Можешь взглянуть на почту?
- Конечно. Сейчас кое-что закончу и займусь.

Сервас наклонился над стареньким компьютером и по одному отсоединил все провода. Так же он поступил с телефонным аппаратом, погребенным под кучей бумаг, после чего аккуратно убрал раскрытую тетрадь в целлофановый пакет для вещественных доказательств.

Закончив, сыщик подошел к двери, распахнул ее, вернулся к столу, соорудил пирамиду из компьютера и телефона, положил сверху тетрадь, подхватил снизу и пошел к лестнице. Ноша была тяжелая, он дважды останавливался передохнуть, прежде чем добрался до низа. Потом Сервас довольно долго плелся по длинному коридору в холл.

Толкнув двери ягодицами, майор оказался на крыльце, поставил вещи на ступеньку, достал из кармана электронный ключ зажигания, открыл машину, побежал к своему джипу «Чероки», косясь на капли дождя на пакете с тетрадью, положил все на заднее сиденье, выпрямился и закурил.

Воротник куртки и спина рубашки промокли насквозь, но погруженный в свои мысли Сервас не замечал этого. Он глубоко затянулся сигаретой, ощутив, как сладостная отравка прочищает легкие и мозг. Дождь освежал лицо тонкой водяной пленкой. *Музыка...* он снова ее слышал. «*Kindertotenlieder*»... Как это возможно?

Сервас огляделся – как будто ожидал увидеть *того человека* – и зацепился взглядом за неясный силуэт.

Там и вправду кто-то был.

Человек в дождевой накидке бутылочно-зеленого цвета с накинутым на голову капюшоном. Сыщик разглядел нижнюю часть молодого лица.

Ученик.

Юноша наблюдал за полицейским, стоя на маленьком холмике под деревьями метрах в десяти от него. Руки он держал в карманах и едва заметно улыбался. «Он улыбается мне, как знакомому», – подумал Сервас.

– Эй вы, там! – крикнул он.

Молодой человек отвернулся и спокойно и неспешно направился к аудиториям. Мартену пришлось бежать следом.

– Эй, подождите!

Студент обернулся. Блондин с золотистой бородкой, в толстовке с капюшоном, ростом чуть выше Серваса. Большие светлые глаза. Вопросительный взгляд. Крупный рот. Сервас вдруг подумал: «Интересно, Марго знает Юго?»

– Простите, вы это мне?

– Да. Добрый день. Не знаете, где я могу найти профессора ван Акера? У него есть занятия в субботу утром?

– Аудитория номер четыре, вон в том корпусе... Но лучше дождитесь окончания лекции; он не любит, когда его прерывают.

– Да неужели? – съязвил Сервас.

– Вы – отец Марго. Не так ли? – Собеседник сыщика широко улыбнулся.

Сервас не смог скрыть удивления. В кармане завибрировал сотовый, но майор решил не отвечать.

– С кем имею честь?

Молодой человек вытащил руку из-под накидки и протянул полицейскому:

– Давид. Я на подготовительном курсе. Очень рад познакомиться.

«Он в одном классе с Юго», – сообразил Сервас и пожал протянутую ладонь. Рукопожатие вышло крепким и искренним.

– Итак, вы знаете Марго...

– Кто же не знает Марго? В Марсаке все ее знают.

Эту же фразу произнес и Юго...

– И вам известно, что я – ее отец.

Золотистые глаза Давида встретились с глазами сыщика.

– Я был здесь, когда вы приезжали вместе в первый раз.

– Понятно...

– Она должна быть в аудитории, если вы ее ищете.

– Клер Дьемар преподавала у вас?

Ответ прозвучал с секундной задержкой:

– Да. Почему вы спрашиваете?

Сервас достал полицейский жетон:

– Я расследую ее убийство.

– Вот же черт! Так вы легавый?

В его тоне не было враждебности, скорее изумление. Сервас не смог удержаться от улыбки.

– Можно сказать и так.

– Мы все потрясены. Она была чудесная училка, всем нравилась. Но...

Молодой человек опустил голову и уставился на носки своих кроссовок. Когда он снова взглянул на Серваса, тот увидел в его глазах знакомый блеск. Так часто смотрят родственники обвиняемых – нервно, непонимающе, недоверчиво. Отказываясь принять немислимое.

– Не верю, что Юго мог такое сотворить. Нет. Это не он.

– Вы хорошо его знаете?

– Он один из моих лучших друзей. – Глаза юноши подернулись влагой. Он был готов разрыдаться.

– Вчера вечером вы были в пабе вместе?

Давид посмотрел в глаза Сервасу:

– Да.

– Помните, в котором часу он ушел?

На сей раз Давид взглянул уклончиво и ответил не сразу.

– Точно не помню, но ему было нехорошо. Он чувствовал себя... странно.

– Юго так сказал? *Странно?*

– Да. Он был не в своей тарелке.

Сервас насторожился.

– Больше он ничего не говорил?

– Нет. Сказал, что, пожалуй, пойдет, и мы удивились... ведь матч... должен был вот-вот начаться. – Давид сбился, понимая, что сказанное им может утопить друга, однако Серваса занимало другое: Юго соврал, чтобы отправиться к Клер Дьемар, или действительно заболел?

– Что потом?

– Когда – потом?

– Он ушел и вы его больше не видели?

Давид колебался.

– Нет. Не видел.

– Благодарю вас.

Сервас видел, что Давид боится, как бы его слова не переиначили.

– Это не он! – воскликнул юноша. – Я совершенно уверен. Вы бы согласились, если бы знали его так же хорошо, как я.

Мартен понимающе кивнул.

– Он потрясающе талантлив, – горячился собеседник майора, как будто выдающиеся способности могли чем-то помочь Бохановски. – Любит жизнь во всех ее проявлениях. Он – лидер,

свято верит в свою звезду и умеет зажечь других. Юго – естественный и гармоничный, умеет дружить. То, что случилось, никак с ним не соотносится!

Голос Давида задрожал, он вытер слезы, развернулся и пошел прочь, опустив голову.

Сервас проводил его взглядом.

Он понял мысль Давида. В Марсаке всегда, во все времена, существовал такой вот Юго: личность еще более одаренная, блестящая, выдающаяся и уверенная в себе, чем все остальные, привлекающая к себе взгляды окружающих, окруженная свитой обожателей. Когда Сервас учился в Марсаке, такой личностью был Франсис ван Акер.

Он проверил телефон и перезвонил экспертам.

– Пароль был записан, – произнес голос. – Кто угодно мог получить доступ к почте. И очистил ее.

12. Ван Акер

Он подошел к бетонному кубу учебного корпуса, укрылся от дождя под деревом и закурил очередную сигарету. Из открытых окон доносился голос. Все тот же. Не изменившийся за пятнадцать лет. Стоило его услышать, и становилось понятно – он принадлежит человеку умному, опасному и надменному.

– Все, что я прочел, не более чем испражнения банды подростков, неспособных выйти за рамки своего крошечного эмоционального мирка. Педантство, сентиментализм, мастурбация и угри. Черт возьми! Вы мните себя бандитами? Проснитесь!

Сервас щелкнул зажигалкой и затянулся, переживая напыщенный монолог Франсиса ван Акера.

– На следующей неделе мы начнем параллельно изучать три книги: «Мадам Бовари», «Анну Каренину» и «Эффи Брист». Три романа, опубликованные между тысяча восемьсот пятьдесят седьмым и тысяча восемьсот девяносто четвертым и ставшие эталоном романной формы. Возможно ли, что один из вас каким-то чудесным образом читал все три? Такая редкая птица существует? Нет? Кто скажет, что общего между этими книгами?

Пауза.

– Это три истории о женщинах, нарушающих супружескую верность.

Мартен вздрогнул: реплику подала Марго.

– Совершенно верно, мадемуазель Сервас. Итак, в этом классе есть как минимум один человек, прочитавший что-то еще, кроме «Спайдермена». Истории трех женщин, изменяющих мужьям, написанные мужчинами. Три разные мастерские манеры изложения одного и того же сюжета. Три великих произведения. Это доказывает, что фраза Хемингуэя – писать следует лишь о том, что знаешь, – полная чушь. Как и многие другие максимы старика Эрнеста. Очень хорошо. У некоторых из вас наверняка есть планы на уик-энд, да и год закончился, но я хочу, чтобы вы прочли эти книги до конца следующей недели. И не забудьте о сочинениях, я жду их к понедельнику.

Заскрипели отодвигаемые стулья, и Сервас спрятался за углом здания. Он не хотел сейчас встречаться с Марго, они увидятся позже. Он смотрел, как она уходит, разговаривая с двумя девушками. Сервас вышел из своего укрытия, когда ван Акер спустился по лестнице и раскрыл зонт.

– Здравствуй, Франсис.

От неожиданности ван Акер едва не выронил зонт.

– Мартен... Думаю, после того, что случилось, мне следовало быть готовым к твоему визиту.

Взгляд его голубых глаз остался все таким же пронизательным. Мясистый нос, тонкие, но чувственные губы, тщательно подстриженная бородка. Франсис ван Акер почти не изменился. Он все так же сиял изнутри. Седина едва тронула бороду и падающую на лоб прядь волос.

– Что принято говорить в подобных случаях? – с иронией поинтересовался он. – «Сколько лет, сколько зим»?

– *Fugit irreparabile tempus*¹¹, – ответил Сервас.

Ван Акер просиял улыбкой.

– Ты всегда был лучшим по латыни. Не представляешь, как меня это злило.

– Таково твое слабое место, Франсис. Ты всегда хотел быть первым во всем.

Ван Акер проигнорировал выпад Серваса, его лицо стало непроницаемым, но он почти сразу взял себя в руки и улыбнулся – с вызовом.

¹¹ Бежит безвозвратное время (*лат.*). Вергилий, Георгики, III, 284–285.

– Ты ни разу сюда не возвращался. Почему?

– Ты знаешь ответ...

Ван Акер не отвел взгляд. Несмотря на влажную погоду, на Франсисе был все тот же темно-синий бархатный пиджак, в котором привык его видеть Сервас. Он никогда ничего другого не носил. В студенческие времена в их компании бытовала шутка: у ван Акера полно одинаковых синих пиджаков и белых рубашек знаменитой американской марки.

– Ну что ж. Причина известна нам обоим, Эдмон Дантес, – сказал ван Акер.

У Серваса мгновенно пересохло в горле.

– Я, подобно графу де Морсеру, увел твою Мерседес. Но не женился на ней.

На долю секунды гнев обжег внутренности Серваса, как горячий уголек, но зола прожитых лет не дала пламени разгореться.

– Я слышал, Клер погибла ужасной смертью.

– Что говорят об этом в Марсаке?

– Ты знаешь, каков этот город, здесь ничего не утаишь. Жандармы были скорее... разговорчивы, чем сдержанны. Беспроводной телеграф тоже сделал свое дело. По слухам, ее связали и утопили в собственной ванне. Это правда?

– Без комментариев.

– Господь милосердный! Она была роскошная женщина. Блестящая. Независимая. Упорная. Страстная. Ее педагогические методы нравились не всем, но я находил их... интересными.

Мартен кивнул. Они шли вдоль бетонных зданий с грязными окнами.

– Какая жестокая смерть... Только сумасшедший мог убить человека подобным образом.

– Или очень сильно разгневанный человек, – поправил Сервас.

– *Ira furor brevis est.* «Гнев – короткое помешательство».

Теперь они шли вдоль пустых теннисных кортов. Намокшие сетки повисли, как канаты на ринге под весом невидимого боксера.

– Как дела у Марго? – спросил Мартен.

Ван Акер улыбнулся.

– Яблоко никогда не падает далеко от яблони. У Марго огромный потенциал, она неплохо справляется. И будет справляться еще лучше, как только поймет, что вечный антиконформизм – иной вид конформизма.

Настал черед Серваса улыбнуться.

– Значит, дело поручили тебе, – сказал Франсис. – Я так и не смог понять, почему ты пошел в полицейские. – Он поднял руку, упреждая возражения собеседника. – Я знаю, это связано со смертью твоего отца, а если копнуть глубже – с тем, что случилось с твоей матерью, но, черт возьми, тебя ждала другая судьба. Ты мог стать писателем, Мартен. Не жалким бумагомаркой, а настоящим писателем. У тебя был дар – и крылья. Помнишь текст Сэлинджера, который мы все время цитировали, один из лучших о писательстве и братстве?

– «Симор: введение», – ответил Сервас, пытаясь сдержать волнение.

– «Во всяком случае, в те светлые минуты, когда я смогу заставить себя сесть и по возможности успокоиться, главным героем моего повествования, – начал его собеседник медленным речитативом, шагая в том же ритме, – станет мой покойный старший брат, Симор Гласс, который (тут я предпочитаю ограничиться очень кратким псевдонекрологом) в тысяча девятьсот сорок восьмом году покончил с собой на тридцать втором году жизни, отдыхая с женой во Флориде...»¹²

– «...безусловно, – продолжил с секундной задержкой Сервас, – он был для нас всем – и нашим синим полосатым носорогом, и двояковыпуклым зажигательным стеклом – словом, всем, что нас окружало. Он был и нашим гениальным советчиком, нашей портативной сове-

¹² Здесь и далее: пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой.

стью, нашим штурманом, нашим единственным и непревзойденным поэтом, а так как молчаливостью он никогда не отличался, и более того, целых семь лет, с самого детства, участвовал в радиопрограмме «Умный ребенок», которая транслировалась по всей Америке, и о чем только он в ней не распространялся. Потому-то он прослыл среди нас мистиком, и оригиналом, и эксцентриком...»

Внезапно Сервас осознал, что легко вспомнил каждое слово, хотя много лет не перечитывал текст; каждая фраза огненными буквами отпечатавалась в его памяти. Когда-то это была их священная формула, их мантра, их пароль.

Ван Акер остановился.

– Ты был моим старшим братом, моим Симором, – сказал он вдруг с неподдельным волнением в голосе. – В тот день, когда ты пошел работать в полицию, мой брат покончил с собой – так я это ощутил.

Мартен снова почувствовал гнев. Ему хотелось заорать: «Да неужели? Так зачем же ты отнял ее у меня? Ее... одну из многих, кого ты мог получить и получил... И почему потом бросил ее?»

Они дошли до опушки сосновой рощи, откуда в ясную погоду открывался вид на Пиренеи. Но сегодня облака и дождь окутали холмы паром и туманом. Именно сюда они приходили двадцать лет назад – ван Акер, он и... Марианна, пока Марианна не встала между ними, пока ревность, ярость и ненависть не развели, не отравили их. Кто знает, возможно, Франсис до сих пор приходит сюда, хотя вряд ли поступает так в память о добрых старых временах.

– Расскажи мне о Клер.

– Что тебя интересует?

– Ты ее знал?

– Лично или как коллегу?

– Лично.

– Нет. Пожалуй, не знал. Марсак – маленький университетский городок. Напоминает Эльсинор. Все друг друга знают, все за всеми следят, наносят исподтишка удары кинжалом, злословят... все жаждут что-нибудь узнать о соседе, накопать информацию – предпочтительно сочную и пикантную. Люди встречаются на вечеринках, ведут пустые разговоры.

– О ней ходили слухи?

– Ты правда думаешь, что я перескажу тебе все слухи и сплетни во имя нашей старинной дружбы?

– Так их было много?

Внизу, на узкой, змеившейся у подножия холма дороге, зашуршала шинами машина.

– Слухи, выдумки, сплетни... Именно это называют «соседским расследованием»? Клер была не только независимой и соблазнительной женщиной, но и имела собственное мнение о многих вещах. Иногда она вела себя на званых ужинах слишком, как бы это сказать, воинственно.

– Что еще? Ее личную жизнь обсуждали? Тебе что-нибудь известно?

Ван Акер нагнулся, поднял шишку, размахнулся и забросил ее далеко на склон.

– Красивая женщина, холостячка, умная... Ничего странного, что мужчины за ней уживались. Она не была монастырской послушницей...

– Ты спал с ней?

Франсис бросил на майора непроницаемый взгляд.

– Скажи-ка, Мегрэ, все полицейские так топорно работают? Ломятся в открытую дверь? Неужто ты забыл, чем экзегеза¹³ отличается от герменевтики?¹⁴ Спешу тебе напомнить,

¹³ Экзегеза – объяснение, толкование малопонятного текста, основ эзотерических учений.

что вестник олимпийцев Гермес – бог-обманщик. Собираение доказательств, поиск скрытого смысла, нисхождение к непостижимым структурам интенциональности: притчи Кафки, поэтика Целана, проблема интерпретации и субъективности у Рикёра... Раньше ты знал в этом толк.

– Ей угрожали? Она с тобой не делилась? Не рассказывала как коллеге или другу о запутанных отношениях с любовником, о разрыве или навязчивом поклоннике?

– Нет, она со мной не делилась. Мы не были настолько близки.

– Она не упоминала о странных звонках или электронных письмах?

– Нет.

– Никаких подозрительных записей о ней в лицее или вокруг него?

– Насколько мне известно, нет.

– Каким учеником был Юго?

Тень улыбки пробежала по лицу ван Акера.

– Семнадцать лет, дополнительный курс, первый в классе. Понимаешь, о чем я? А еще – красавчик, все или почти все девушки влюблены в него. Юго – такой парень, каким хотят быть все парни в его возрасте.

Он замолчал и поднял глаза на Серваса.

– Тебе бы следовало повидаться с Марианной...

Мир вокруг них качнулся, а может, просто ветер гулял в соснах.

– Собираюсь это сделать в рамках расследования, – холодно отрезал Сервас.

– Я не о том.

Они вслушивались в стрекот дождя по хвое, смотрели вдаль на холмы, окрашенные всей палитрой серого цвета.

– Ты всегда был очень далек от атараксии¹⁵, Мартен. Твое обостренное чувство справедливости, твой гнев, твой проклятый идеализм... Встреться с ней. Но не бери старые раны.

Помолчав, он спросил:

– Ты ведь все еще ненавидишь меня, да?

Сервас не знал, что ответить. Ненавидит ли он своего бывшего лучшего друга? Возможно ли ненавидеть человека столько лет? О да, очень даже возможно. Он так крепко сжал кулаки в карманах, что ногти почти впились в ладони. Повернулся и пошел прочь, давя ногами шишки. Франсис ван Акер не шелохнулся.

Марго направлялась к нему через толпу заполонивших коридор лицеистов. Она выглядела усталой. Сервас понял это по ссутуленным плечам и по тому, как она держала книги, прижимая стопку к груди. И все-таки девушка улыбнулась отцу в знак приветствия.

– Итак, дело ведешь ты?

Мартен закрыл папку с делом Юго – там были только бесполезные сведения: какими видами спорта занимался, какие книги брал в библиотеке, – попытался улыбнуться в ответ и обнял дочь. Мимо них, толкаясь и перекликаясь, шли соученики Марго. «Дети, они всего лишь дети, – подумал майор. – Дети с другой планеты под названием Молодость, такой же далекой и загадочной, как Марс». Он не любил думать об этой планете тоскливыми одинокими вечерами, потому что она напоминала ему, какое это проклятие – зрелый возраст.

– Ты и меня будешь допрашивать?

– Не сейчас. Конечно, если тебе не в чем признаться.

Сервас покосился на дочь и понял, что Марго расслабилась. Девушка взглянула на часы.

– У меня мало времени, через пять минут начинается семинар по истории. Ты возвращаешься или пробудешь здесь весь день?

¹⁴ Герменевтика – в широком смысле искусство истолкования и понимания.

¹⁵ Атараксия – спокойствие духа.

– Пока не знаю. Если останусь до вечера, может, поужинаем вместе?

Она скорчила гримаску.

– Давай. Но по-быстрому – мне нужно написать сочинение к понедельнику, так что придется попотеть.

– Да, я слышал. Утром ты неплохо выступила.

– О чем ты?

– На занятиях у ван Акера...

– Но как...

– Я стоял под окном.

Она опустила глаза.

– Он... что-нибудь говорил обо мне?

– Франсис? О да! Был щедр на похвалы. Вообще-то, это редкий случай, учитывая его характер. Он сказал – цитирую: «Яблоко от яблони недалеко падает».

Мартен заметил, что Марго покраснела от удовольствия, и подумал, что был таким же в ее возрасте – отчаянно нуждался в признании и одобрении. Как и он, Марго прятала ранимость за бунтарством и показной независимостью.

– Я побежала, – сказала она. – Доброй охоты, Шерлок!

– Подожди! Ты знаешь Юго?

Дочь Серваса обернулась, и он понял, что она насторожилась.

– Знаю, а что?

Он сделал неопределенный жест рукой.

– Да так... Он тоже говорил о тебе.

Марго подошла ближе.

– Думаешь, Юго виновен, папа?

– А ты как считаешь?

– Он – хороший парень, это все, что я знаю.

– «Парень» дал тебе ту же характеристику.

Сервас понял, что она с трудом удерживается от других вопросов.

– Клер Дьемар вела у тебя занятия?

Девушка кивнула.

– Какой она была?

– Умела сделать свой предмет интересным... Студенты ее ценили... Мы не можем поговорить позже? Я действительно опаздываю.

– Ладно, но попробуй коротко описать ее характер.

– Веселая. Экспансивная, восторженная, очень красивая. Немного закрытая, но суперклевая.

Он кивнул, и Марго пошла прочь. Сервас понял, что расстроил ее.

Он пробирался через толчею в холл, попутно разглядывая пробковые доски с короткими объявлениями об обмене всего на все и разных услугах. Все как в его времена, только неизвестно, прячутся ли за деловыми сообщениями те забавные поэтичные записочки, которыми увлекались его соученики.

Сервас достал из кармана жужжащий мобильник и взглянул на экран. Звонила Самира.

– Слушаю тебя.

– Кажется, мы что-то нашли.

– Что именно?

– Ты велел не заикливаться на мальчишке, так?

У Серваса участился пульс.

– Не тяни.

– Пюжоль вспомнил одно дело, которое вел много лет назад. Нападение и изнасилование молодой женщины у нее дома. Он нашел фамилию через ППД... и вытащил протокол из архивов.

Программа составления процессуальных документов. Допотопное программное обеспечение, из которого все сыщики доставали свои протоколы. Опасно неповоротливая, ее давным-давно следовало бы заменить. Сервас ждал продолжения рассказа, глядя на резвящихся в рассеянном сером свете лошадей, породистых, легких, подобных небесным созданиям.

– Этого типа неоднократно сажали за сексуальную агрессию по отношению к молодым женщинам, а один раз – за изнасилование в доме жертвы. Он орудовал в Тарбе, Монтобане и Альби. Его имя – Элвис Констанден Эльмаз. Судимостей у него без счета: в двадцать пять его дюжину раз брали за торговлю наркотиками, насилие при отягчающих обстоятельствах, кражи... Сейчас ему двадцать семь. Он хищник. От методов, которыми действовал Эльмаз, холодеет спина: он болтался на сайтах знакомств, находил там будущую добычу... – Сервас вспомнил вычищенную почту Клер. – В две тысячи седьмом, в Альби, он встретился с очередной жертвой в общественном месте, угрожая ножом, привел ее к ней домой, привязал к батарее, заклеил рот скотчем, отобрал банковскую карточку и вынудил назвать пароль. Он изнасиловал женщину и пригрозил убить, если она на него заявит. В другой раз, в Тарбе, он поздно вечером напал на женщину в парке, связал и запер в багажнике машины, но почему-то передумал и выбросил ее в кусты. Просто чудо, что он пока никого не убил...

Самира замолчала, видимо, собиралась с мыслями.

– ...если исключить... Короче говоря, в этом году он вышел из тюрьмы.

– Угу.

– Но есть одна загвоздка...

Сервас услышал позвякивание ложечки по чашке.

– Похоже, у нашего местного Элвиса надежное алиби на вчерашний вечер. Он подрался в баре.

– По-твоему, это железное алиби?

– Нет, но его перевезли в Рангей на «Скорой». В двадцать два ноль-ноль он был в отделении неотложной помощи. Короче, Эльмаз до сих пор в больнице.

Двадцать два ноль-ноль... В этот момент Клер была уже мертва, а Юго сидел на бортике бассейна. Мог ли Элвис Эльмаз успеть вернуться в Тулузу и затеять ссору, чтобы обеспечить себе алиби? И было ли у него в таком случае время и возможность подсыпать Юго наркотики?

– Его и правда зовут Элвис?

Чэн хихикнула в трубку:

– Ответ – да. Я справлялась, Элвис – распространенное в Албании имя. В любом случае этому мерзавцу скорее подходит «Jailhouse Rock», чем «Don't Be Cruel»¹⁶.

– Ну да, ну да, – пробормотал Мартен, неуверенный, что правильно понял каламбур.

– Что дальше, патрон? Мне с ним побеседовать?

– Ничего не делай, я сейчас приеду. Убедись только, что его не выпустят из больницы на волю.

– Не беспокойтесь, я оседлаю засранца, как лобковая вошь. – Иногда подчиненная Серваса злоупотребляла крепкими выражениями.

¹⁶ «Тюремный рок» (Jailhouse Rock) и «Не будь жестокой» (Don't Be Cruel) – две знаменитые песни, ставшие хитами в исполнении Элвиса Пресли.

Интермедия 1. Надежда

Надежда – наркотик.

Надежда – психотропный препарат.

Надежда возбуждает сильнее кофеина, ката¹⁷, мате, кокаина, эфедрина, эритропоэтина¹⁸, стимуляторов и амфетаминов.

Надежда ускоряла ее сердечный ритм и частоту дыхания, поднимала кровяное давление, расширяла зрачки. Надежда стимулировала работу надпочечников, обостряла слух и обоняние. Надежда скручивала ее внутренности. Накачанный надеждой мозг регистрировал все с небывалой остротой и четкостью.

Спальня...

Чужая, не ее. На одно крошечное мгновение она подумала, что проснулась у себя, что бесконечные месяцы в подвале – всего лишь ночной кошмар. Что наступившее утро вернуло ее в прежнюю жизнь, в чудесную, обыденную повседневность... но это была чужая комната.

Эту незнакомую комнату она видела впервые.

Утро. Она осторожно повернула голову и увидела, как свет разгорающегося дня проникает в щель между шторами. Будильник на ночном столике показывал время – 6.30 утра. У противоположной стены стоял зеркальный гардероб, и она могла видеть свои ступни, ноги и лицо – лицо маленькой, перепуганной, прячущейся в темноте зверушки.

Рядом с ней кто-то спал...

Надежда вернулась. Он уснул и забыл спустить ее в подвал прежде, чем перестанет действовать введенный наркотик! Она не поверила своим глазам. Ошибка, он наконец-то совершил ошибку – первую и единственную за много месяцев неволи. Это шанс! Она почувствовала, что у нее вот-вот разорвется сердце, что ее хватит инфаркт.

Надежда – исступленная, безумная надежда – воспламенила ее мозг. Кровь стучала в ушах, но она все-таки повернула голову в его сторону.

Он спал крепким сном. Она отстраненно и спокойно смотрела на лежащее рядом крупное обнаженное тело и не чувствовала ни ненависти, ни влечения. Она давно миновала эту стадию. Ни коротко стриженные, вытравленные перекисью волосы, ни темная бородка, ни покрытые татуировками руки, напоминающие вторую – чешуйчатую – кожу, больше не притягивали ее. Она вздрогнула, заметив на лобковых волосках следы высохшей спермы, но это не шло ни в какое сравнение с теми рвотными позывами, которые терзали ее в самом начале. Эта стадия тоже миновала.

Надежда удесятряла силы. Ей вдруг страстно захотелось вырваться из этого ада. Стать свободной. Как много противоречивых эмоций... Она увидела дневной свет впервые со дня похищения. И плевать, что через окно и сквозь шторы. Она впервые проснулась в кровати, а не на земляном полу темного подвала. Первая спальня за месяцы, а то и годы плена...

Этого не может быть. Что-то случилось.

Но ей нельзя отвлекаться. В комнате становилось все светлее. Он может проснуться в любой момент. Больше у нее такой возможности не будет. Страх вернулся, как удар под дых.

Решение было. Убить его. Сейчас, немедленно, прямо здесь. Разбить голову лампой. Но она знала, что, если промахнется, он ее тут же скрутит, потому что он силен, а она слаба. Два других решения: найти оружие – нож, отвертку, что-нибудь еще, но тяжелое или острое.

Или бежать.

¹⁷ Кат – растение, листья которого содержат психоактивные компоненты.

¹⁸ Эритропоэтин (EPO) – один из гормонов почек, в некоторых видах спорта применяемый как допинг.

Последнее было предпочтительней. Она слишком ослабла, у нее бы не хватило сил противостоять ему. Но куда бежать? Что находится за стенами дома? В тот единственный раз, когда он перевозил ее, она слышала, как поют птицы и дерет горло петух, ощущала запахи деревни. Дом на отшибе...

С бьющимся в горле сердцем, уверенная, что он сейчас проснется и откроет глаза, она откинула простыню, выскользнула из кровати и сделала шаг к окну.

У нее остановилось сердце.

Этого не может быть...

За окном была залитая солнцем лужайка, дальше стеной стоял лес. Дом находился в самом его сердце, как в волшебных сказках ее детства. Она видела высокую траву в колокольчиках и маках, порхающих в воздухе желтых бабочек и даже слышала через стекло гомон птиц, приветствующих новый день. Все эти месяцы она жила в аду, под землей, а самая простая – и прекраснейшая – жизнь была совсем рядом.

Она взглянула на дверь – притягательный магнит, за которым ее ждала свобода, посмотрела в сторону кровати и почувствовала, что пульс зашкаливает. Он по-прежнему спал. Она сделала шаг, второй, третий, обогнула кровать и своего палача. Ручка двери повернулась совершенно бесшумно. Она не поверила своим глазам, но дверь открылась. Коридор. Узкий. Безмолвный. Много дверей справа и слева, но она пошла прямо, попала в столовую и мгновенно узнала большой деревянный стол, темный, как озеро, буфет, стереосистему, большой камин, подсвечники... Вспомнила блюда с едой и мерцающие свечи, в ушах зазвучала музыка. Ее затоснило. Это больше не повторится, никогда... Ставни на окнах были закрыты, но солнце проникало сквозь щели.

Вестибюль и входная дверь были справа, в темной зоне. Она сделала еще два шага и вдруг почувствовала, что введенный ей наркотик выветрился не до конца. Казалось, она движется в воде и загустевший воздух оказывает сопротивление. Ее движения были замедленными и неловкими. Потом она остановилась, сообразив, что не может выйти в таком виде. Голой. Оглянулась, и ее замутило. Все что угодно, только бы не возвращаться в ту комнату. Плед на диванчике... Она схватила его, набросила на плечи и подошла к входной двери из грубого дерева, такой же старой, как сам дом. Подняла язычок задвижки, толкнула створку.

Солнечный свет ослепил глаза, птичий гвалт ударил по ушам, как кимвалы, мухи, яростно жужжа, атаковали ее. Ароматы травы и деревьев щекотали ноздри, жаркий воздух ласкал кожу. На мгновение закружилась голова, перехватило дыхание, она заморгала. Как слепой крот. Жара, свет, жизнь действовали одуряюще. Она почувствовала себя опьяневшей от свободы козочкой господина Сегена. Но страх тут же вернулся. У нее было ничтожно мало времени.

Справа от дома стояла пристройка, что-то вроде старинного открытого амбара – наполовину обвалившегося, так что обнажился остов. На земле грудой валялась старая хозяйственная техника, инструменты, дрова, а рядом находилась *машина*...

Она подошла, ступая босыми ногами по нагретой земле. Дверца со стороны водителя открылась со скрипом, и она испугалась, что шум разбудит его. Внутри пахло пылью, кожей и машинным маслом. Она попыталась нащупать дрожащей рукой ключ, но в зажигании его не оказалось. Она пошарила в бардачке и под сиденьем. Пустые хлопоты. Она вышла из машины. *Бежать*... не медля ни секунды... Она огляделась. Проезжая дорога: нет, не туда. Вот узкая тропинка в просвете леса. Да. Она побежала в этом направлении и сразу почувствовала, как мало осталось сил – сидя в подвале, она похудела килограммов на десять-пятнадцать, – как плохо слушаются ноги. Но надежда вселяла в организм новую энергию, как и теплое марево, полная жизни природа и ласкающий свет.

В подлеске было свежо, но так же шумно, как на открытом пространстве. Она бежала по тропинке, обдирая ступни об острые камни, корни и колючки, но это было неважно. Она пре-

одолела маленький деревянный мостик над весело журчащим ручьем, и тонкие доски задрожали, пружиня под ее босыми ступнями.

Она вдруг поняла: что-то не так...

На земле, посреди тропинки. Чуть поодаль...

Темный предмет. Она замедлила бег, подошла. Старый кассетник с ручкой, чтобы можно было носить с собой... Музыка. Она мгновенно узнала ее и вздрогнула от ужаса. Она слышала эту мелодию сотни раз... Она икнула. Всклипнула. Это несправедливо. Чудовищно жестоко. Все, что угодно, только не это...

Она застыла, с трудом удерживая дрожь в ногах. У нее не было сил двигаться вперед, но и вернуться она не могла. Справа по широкой и очень глубокой канаве стекал вниз ручей.

Она рванулась влево, преодолела насыпь и побежала вдоль тропы, среди папоротников.

Она задыхалась, оглядывалась, но никого не видела. В подлеске все так же пели птицы, а мрачная музыка из кассетника подталкивала ее в спину – как эхо, как вездесущая угроза.

Ей казалось, что кассетник остался далеко позади, и вдруг она наткнулась на табличку, приколоченную к стволу дерева в том месте, где тропинка раздваивалась в форме буквы «Т». Стрелка на табличке указывала на две открывающиеся перед ней возможности. Над стрелкой два слова: «СВОБОДА» – с одной стороны и «СМЕРТЬ» – с другой.

Она снова всклипнула, и ее вырвало на густые папоротники.

Она выпрямилась, вытерла рот уголком пледа, вонявшего затхлостью, пылью, смертью и безумием. Ей хотелось плакать, рухнуть на землю и не шевелиться, но нужно было что-то делать.

Она понимала, что это ловушка. Одна из его извращенных игр. *Смерть или свобода...* Что произойдет, если она выберет свободу? Какого рода свободу он ей предложит? Уж конечно, не возврат к прежней жизни. Или освободит, убив? А если она выберет «смерть»? Что это, метафора? Но чего? Смерть ее страданий, конец крестного пути? Она выбрала направление «на смерть», рассудив, что в его больном рассудке самое соблазнительное на вид предложение – наверняка худшее.

Она пробежала еще сотню метров и вдруг заметила нечто длинное и темное, висящее на ветке в метре над дорогой.

Она замедлила бег, потом перешла на шаг и остановилась, поняв, *что* перед ней. К горлу подступила рвота, сердце колотилось, как обезумевший от ужаса кролик. Кто-то повесил на дереве кота, так туго затянув бечевку на шее животного, что голова грозила вот-вот отвалиться. Кончик розового языка торчал из пасти между белой шерсткой, маленькое тельце совсем одревенело.

Ее желудок был пуст, но она почувствовала позыв к рвоте и горький вкус желчи во рту. Ледяной ужас сковал позвоночник.

Она застонала. Надежда таяла, как пламя догорающей свечи. В глубине души она знала, что эти леса и этот подвал станут последним, что она увидит в жизни. Что выхода нет. Не сегодня и никогда. Но ей так хотелось верить в чудо – еще хоть несколько минут.

Неужели по этому проклятому лесу никто не гуляет? Она вдруг задумалась, где находится: во Франции или где-то еще? Она знала – есть страны, где за много дней пути иногда не встретишь ни одной живой души.

Она не знала, куда идти. Но уж точно не в том направлении, что выбрал для нее этот псих.

Она пробиралась через кусты и деревья, спотыкалась о корни и неровности почвы, босые ступни кровоточили. Вскоре она добралась до очередного ручья, заваленного упавшими во время последней грозы березами и лещиной, и с превеликим трудом перебралась через них; острые, как кинжалы, ветки ранили ноги.

Еще одна тропинка с другой стороны. Она выдохлась, но все-таки решила пойти по ней, все еще надеясь встретить хоть кого-нибудь.

Я не хочу умирать.

Она бежала, спотыкалась, падала, поднималась и бежала дальше.

Она бежала, чтобы спастись, ее грудь горела, сердце готово было разорваться, ноги отяжелели. Лес вокруг становился все плотнее, воздух совсем раскалился. Ароматы леса смешивались с запахом ее собственного кислого пота, заливавшего глаза. Где-то совсем близко плескался ручей, других звуков не было, а в спину дышала тишина.

Я не хочу умирать...

Эта мысль занимала все свободное пространство ее рассудка. Вместе со страхом. Гнусным, нечеловеческим.

Я не хочу... я не хочу... я не хочу...

Умереть...

Она чувствовала, что по щекам текут слезы, сердце колотится в груди, на шее отчаянно бьется жилка. Она бы убила мать с отцом, лишь бы избавиться от этого кошмара.

Внезапно у нее екнуло сердце. Там, внизу, кто-то был...

Она закричала:

– Эй! Подождите! Подождите! На помощь! Помогите мне!

Фигура не двигалась, но она ясно видела ее через завесу слез. Женщина. В купальном халате на пуговицах. Совершенно лысая. Она собрала последние силы, чтобы добраться до нее. Незнакомка не двигалась.

Она была все ближе и уже все понимала. Кровь стыла в жилах.

Это не женщина...

Целлулоидный манекен. Прислоненный к стволу дерева. Застывший в искусственной позе – как в витрине магазина. Она узнала халат – свой халат, он был на ней в тот вечер, когда... Кто-то обрызгал его красной краской.

Ей показалось, что силы закончились, словно кто-то высосал их. Она была уверена, что он наполнил проклятый лес кучей других, таких же зловещих, ловушек. Она была крысой в лабиринте, его вещью, его игрушкой. Он рядом. Совсем близко... Ноги у нее подкосились, и она потеряла сознание.

13. Элвис

Он оставил машину на внутренней стоянке и пошел к расположенной в центре бетонной башне с лифтами. Университетская клиника Рангей напоминала крепость на вершине холма на юге Тулузы. Чтобы попасть туда со стоянки, устроенной на среднем уровне, нужно было доехать на лифте до длинного перехода, висящего над деревьями, там, откуда открывался потрясающий вид на университетские корпуса и предместье. Сервас пересек пустырь и подошел к зданию, фасад которого украшала затейливая металлическая ячея. Как это часто бывает, внешние украшения идут в ущерб внутренней инфраструктуре. В больнице работали две тысячи восьмьсот врачей и десять тысяч вспомогательного персонала, здесь лечились сто восемьдесят тысяч пациентов в год (численность населения небольшого города!), но Сервас успел заметить, что клиника остро нуждается во многих других службах.

Майор быстро прошел мимо единственной кафетерия, где толпились врачи, посетители и пациенты в халатах, и по длинным коридорам добрался до внутренних лифтов. Творения современных художников – дары благотворительности – не могли оживить унылых стен: искусство не всесильно. Сервас заметил дверь часовни с табличкой, на которой были указаны часы работы священника. Сыщик задумался, как бог находит себе место в больничной вселенной, где человеческое существо низведено до системы труб, пищеварения и дыхания, где его собирают и разбирают, как мотор, а иногда дают «окончательный расчет», не забыв позаимствовать несколько «запчастей» для ремонта других моторов.

Самира ждала его у лифтов. Ему хотелось закурить, но он заметил запрещающую табличку.

– *Авария*, – произнес Мартен в кабине.

– Что вы сказали? – переспросила Чэн. Ее кобура на бедре привлекала всеобщее внимание.

– Роман Балларда. Мешанина из хирургии, механики, массового потребления и вождения.

Самира недоумевающе взглянула на майора, тот пожал плечами, но тут двери лифта открылись, и до их ушей донесся истошный крик:

– Банда кретинов! Не имеете права держать меня тут против воли! Зовите этого придурочного врача, чего ждете?

– Наш Элвис? – спросил Сервас.

– Очень может быть.

Они повернули направо, потом налево. Какая-то медсестра остановила их, и Самира достала удостоверение.

– Здравствуйте, нам нужен Элвис Констанден Эльмаз.

Лицо женщины окаменело, и она указала на дверь с матовым стеклом, перед которой лежал на каталке старик с трубочками в носу.

– Больному требуется отдых, – сурово произнесла она.

– Само собой, – съязвила Самира.

Медсестра наградила их презрительным взглядом и удалилась.

– Черт, только легавых мне тут не хватало! – воскликнул Элвис, когда они вошли.

В палате было жарко и влажно, вентилятор в углу вращался рывками и положения не спасал. Голый по пояс Элвис Констанден Эльмаз сидел в изголовье кровати и смотрел телевизор без звука.

– *One for the money, two for the show*¹⁹, – промурлыкала Чэн, покачивая бедрами и при-танцовывая. – Привет, Элвис.

Элвис нахмурился: в этот день Самира была в футболке с надписью «LEFT 4 DEAD», на шее красовалось штук шесть ожерелий и связок бус.

– Что за цирк? Это кто еще такая? – поинтересовался он у Серваса. – Значит, вот как теперь выглядят полицейские? Куда катится мир!

– Вы – Элвис Эльмаз?

– Нет, Аль Пачино. Чего вам? Вы явно не из-за моей жалобы явились.

– Ты угадал.

– Конечно, нет. С первого взгляда видно, что вы из KFC.

KFC, Kentucky Fried Chicken, популярная сеть ресторанов быстрого питания, специализирующаяся на жареных цыплятах. Преступники называют так уголовную полицию. Элвис Констанден Эльмаз был маленьким, коренастым, с круглой, наголо бритой головой, опоясывающей квадратные челюсти бородкой и сережкой с крошечным цирконом в ухе. А может, и с бриллиантом. Одна повязка была наложена на его мускулистый торс – от низа живота до диафрагмы, другая – на правое предплечье.

– Что с вами случилось? – спросил Сервас.

– А то вы не знаете! Дал маху. Три удара ножом в брюхо и один в руку. Эти ублюдки чудом меня не завалили. «Жизненно важные органы не затронуты, вы везунчик, мсье Эльмаз» – так сказал этот придурок-доктор. Он хочет продержать меня тут еще два дня, говорит, я много дергаюсь и рана может открыться. Ладно, врач он, не я. Но я ноги отлежал, а жратва здесь хуже, чем в тюрьме.

– Эти ублюдки? – переспросила Самира.

– Их было трое. Сербы. Вы, может, не знаете, но эти подонки-сербы и мы, албанцы, никогда не могли ужиться. Все они – шваль и жулье.

Самира кивнула. Ту же «песню» она слышала в интерпретации другой стороны. Кстати, у нее в жилах текло немного боснийской крови, а еще – капелька итальянской: ее семья немало постранствовала по миру...

– Так что же случилось?

– Мы схлестнулись в кафе и продолжили на улице. Я был здорово поддатый, правду сказать.

Эльмаз по очереди оглядел полицейских.

– Я не знал, что два дружка этой сволочи сидят внутри. Они неожиданно накинулись на меня, как психованные, а потом разбежались, точно крысы. Я лежал на тротуаре и истекал кровью, думал, на этот раз – все, кранты. Но, видно, у таких злыдней, как я, тоже есть ангел-хранитель, как думаешь, красотка? Не дашь сигаретку? Убить готов за затяжку.

Самира с трудом удерживалась от желания наклониться и вонзить палец Эльмазу между ребрами, прямо через бинты.

– Ты что, табличек не видел? – зло бросила она. – «Не курить!» Что стало причиной ваших разногласий?

– Разногласий... Красиво излагаешь, подруга! Я же сказал: они – сербы, я – албанец.

– И всё?

Он ответил не сразу.

– Нет.

– Что еще?

– Баба, конечно, черт подери. Куколка, что вертелась вокруг меня.

– Из их компании?

¹⁹ Начальные слова из песни «Синие замшевые туфли» в исполнении Элвиса Пресли.

– Точно.

– Красивая?

Лицо Элвиса Констандена Эльмаза просияло, как новогодняя елка.

– Не то слово! Настоящая секс-бомба! Не знаю, что она делала с теми неудачниками. Я на нее пялился, что правда, то правда, она заметила, подошла поболтать. Может, хотела их позлить или была не в настроении... Тут-то все и закрутилось. *Разногласия*, как вы это назвали.

– Значит, «Скорая» доставила вас сюда вчера вечером, ночью вам сделали операцию, а потом перевели в эту палату?

Темные глаза Элвиса блеснули.

– А почему это так важно? Вам ведь плевать на мою историю... Вы хотите знать продолжение. Что-то случилось.

– Господин Эльмаз, вас выпустили из тюрьмы четыре месяца назад, верно?

– В точку.

– Вы были осуждены за кражи с применением насилия, похищение, незаконное удержание, сексуальные деликты и изнасилование...

– Ну и что? Я свое отсидел.

– Вы всегда нападали на молодых красивых брюнеток.

Взгляд Элвиса потемнел.

– К чему вы клоните? Это было давно. – Он моргнул. – Что произошло вчера вечером? Напали на какую-нибудь красотку?

Взгляд майора упал на стоящий у кровати столик на колесах, где лежала газета. Он прочел заголовок и изменился в лице:

УБИЙСТВО МОЛОДОЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЫ В МАРСАКЕ

Расследование поручено полицейскому, раскрывшему преступление в Сен-Мартене.

Черт, черт, черт! Он схватил газету и, не слушая вопросов Самиры и ответов Эльмаза, начал листать ее.

Статья обнаружилась на третьей странице и была короткой. «*Майор Сервас из угрозыска Тулузы, тот самый, что зимой 2008–2009 года вел дело об убийствах в Сен-Мартене, самое крупное за последние годы в провинции Юг-Пиренеи, будет расследовать убийство преподавательницы Марсакского лицея, где учатся дети местной элиты*». Автор статьи уточнял, что молодую женщину нашли в ее собственном доме, «*связанной и утопленной в ванне*». Хорошо еще, что пресс-служба догадалась умолчать о фонарике в горле жертвы, чтобы обезопасить себя от психов, которые в ближайшие часы начнут бомбардировать полицию звонками с признаниями. Зато отдали на съедение его, назвав имя. Гениально. Сервас почувствовал нарастающий гнев. Он бы с удовольствием «по-свойски» поговорил с идиотом, допустившим утечку. Возможно, это сделал сам Кастен?

– В котором часу произошла стычка? – продолжила допрос Чэн.

– В двадцать один тридцать – двадцать два ноль-ноль...

– Свидетели?

Элвис хрипло хохотнул и закашлялся.

– Десятки!

– А чем ты занимался до того?

– Вы что, оглохли? Я жрал и кадрил девку! Говорю же, меня многие видели! Да, я совершал ошибки – в прошлом, но треклятые бабы, на которых я напал, сами виноваты: какого черта они поперлись ночью на улицу, а? В Албании женщины по ночам сидят дома. Приличные женщины...

Самира Чэн ткнула пальцем в бок албанцу, выбрав место наугад. Ткнула и сильно нажала. Через повязку. Элвис скривился от боли. Сервас собрался вмешаться, но его подчиненная убрала руку.

– Молись, чтобы твое алиби оказалось надежным, – произнесла она нехорошим, холодно-скрипучим голосом. – У тебя проблема, Элвис. Может, у тебя встает через раз? Или ты скрытый гомик? Ну да, конечно... Любил мыться в душе на зоне?

Албанец изменился в лице, его глаза превратились в два тусклых нефтяных озера. В палате было жарко, но Мартену вдруг показалось, что по спине пробежала струйка ледяной воды, у него участился пульс. Сыщик нервно сглотнул. Он уже видел подобный взгляд. Очень давно. Десять лет назад... Живший в нем маленький мальчик просто не мог этого забыть. Перед мысленным взором Серваса возникли лица двух мужчин, появившихся во дворе их дома тем роковым июльским вечером. Они были похожи на Элвиса – волки, нелюди с пустыми глазами... Он подумал о матери, услышал ее крики и мольбы, увидел привязанного к стулу отца и себя, маленького Мартена. Он спрятался в шкафу под лестницей, все слышал, обо всем догадывался. Придя работать в полицию, Сервас не раз пересекался с подобными... существами. Он вдруг ощутил непреодолимую потребность глотнуть свежего воздуха, убежать из этой палаты, вырваться из больницы. Он кинулся в туалет, боясь не удержать рвоту.

– Это не он.

Сервас кивнул, соглашаясь.

Они шли по коридорам в сторону холла. Сыщику ужасно хотелось курить, но развешанные повсюду таблички призывали его к порядку.

– Знаю, – ответил он. – Его алиби похоже на правду, кроме того, он вряд ли мог разобратся с почтой Клер Дьемар в лицее и не имел причин следить за Юго и пичкать его наркотиками.

– Такие, как он, не должны ходить по улицам, – сказала Самира, когда они миновали кафетерий.

– Ни один закон не позволяет сажать человека в тюрьму только за то, что он «опасен», – возразил Сервас.

– Рано или поздно Элвис сорвется.

– Он отсидел свой срок.

Самира покачала головой.

– Единственная действенная терапия для таких типов – отрезать им яйца, – объявила она.

Сервас искоса взглянул на свою подчиненную: она не шутила. Он испытал облегчение при виде стеклянных дверей холла, сунул руку в карман, но тут заметил последнюю табличку и снова почувствовал себя подростком на беговой дорожке: дышать нечем, сил на финишные двадцать метров не осталось.

Двери наконец открылись, и они «выпали» в жаркий влажный воздух. Сервас напрягся. Обделенные никотином легкие требовали своей порции яда, но дело было не только в этом... А в чем еще? Его подсознание включилось, когда они прошли мимо первой таблички, запрещающей курение в больнице, но он никак не мог разобрать, что говорит его внутренний голос.

– Если это не он, мы возвращаемся к исходной точке, – заметила Самира.

– То есть?

– Юго...

Сыщик ухитрился посмотреть на часы и одновременно достать сигарету.

– Едем в Амбушюр. Надави на экспертов. Я хочу узнать результат до вечера. Если убил Юго, почему он опустошил компьютер Клер, а не свой собственный телефон?

Самира в ответ только руками развела, глядя вслед шефу, удаляющемуся в сторону мостика-перехода.

К шлагбауму, завывая сиреной, подъехала «Скорая», и Серваса внезапно осенило. Он понял, почему не может выбросить из головы проклятые таблички с перечеркнутой красной чертой сигаретой.

Шагая по переходу над деревьями, Мартен достал телефон, нашел номер Марго, нажал на кнопку вызова и услышал варварскую мелодию – мешанину звуков электрогитары и горловой отрыжки. Сервас досадливо поморщился: хорошо, что Марго отключает сотовый на занятиях, но сейчас это стало помехой его расследованию. Он набрал одним пальцем эсэмэс:

«Юго курит? Перезвони мне. Это важно».

Не успел он закончить, как телефон завибрировал.

– Марго? – спросил он, идя к лифту.

– Нет, это Надия, – ответил женский голос.

Надия Беррада возглавляла отдел технической экспертизы. Мартен вызвал лифт.

– Компьютеры «запели», – объявила она.

– И?

– Сообщения действительно стерли, но мы восстановили входящие и исходящие. Последние датированы днем смерти. Ничего необычного. Электронные письма коллегам, личные послания, сообщения о педагогических совещаниях и семинарах, реклама.

– Есть что-нибудь Юго Бохановски или от него?

– Нет. Ни одного... Зато некий «Томá девятьсот девяносто девять» регулярно ей писал. И его сообщения носят... как бы это сказать... *интимный* характер.

– Насколько интимный?

– Достаточно интимный. – Надия сделала паузу и прочла: – «Жизнь станет волнующей и интересной, потому что мы любим друг друга», «Огромная. Тотальная. Невероятная. Всепоглощающая тоска по тебе», «Я – замок, ты – ключ, я твой навеки, я – твой бельчонок, отныне и навсегда»...

– Кто это писал, она или он?

– Оба. На семьдесят пять процентов – она. Он чуть менее откровенен, но она его зацепила... Да, эта баба была горячей штучкой!

По тону Надии Сервас понял, что найденные сообщения заставили ее задуматься. Он подумал о них с Марианной... Тогда не было ни электронной почты, ни текстовых сообщений, но они написали друг другу сотни подобных писем. Восторженных, лиричных, наивных, пылких, забавных. Писали, хотя виделись каждый день. В них горел такой же живой огонь. Сервас чувствовал – он что-то нащупал. *Эта баба была горячей штучкой*... Надия нашла точные слова. Он поднял глаза на мокнувшие под дождем верхушки деревьев, растущих под переходом.

– Скажи Венсану, пусть срочно установит личность этого «Тома девятьсот девяносто девять».

– Уже. Ждем ответа.

– Молодец. Сообщи, как только получишь. И вот еще что, Надия: можешь взглянуть на список вещественных доказательств?

– Что ты хочешь знать?

– Была ли среди предметов, найденных в кармане у мальчишки, пачка сигарет?

Сервас ждал ответа и не вошел в лифт, опасаясь, что металлические стенки заглушат сигнал. Надия вернулась на линию минуты через четыре.

– Ни пачки, ни сигареты, ни косячка, – сказала она. – Ничего такого. Это тебе поможет?

– Возможно. Спасибо.

Сервас представил себе, как Надия роется в куче улик, и ему в голову пришла мысль о тетради на письменном столе Клер и о написанной там фразе:

«Слово «друг» порой лишено смысла, чего не скажешь о слове «враг».

Он почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь. Клер Дьемар записала эту фразу в новенькую тетрадь незадолго до смерти и оставила открытой на столе. Зачем? Чувствовала неотвратимую угрозу? Возможно, она нажала врага? Связана эта запись с расследованием или нет? Смутная идея начала обретать четкие контуры. Мартен снова достал телефон.

– Ты за компьютером? – спросил он, когда Эсперандье ответил.

– Да, а что?

– Можешь поискать для меня фразу в «Гугле»?

– Фразу в «Гугле»?..

– Не умничай.

– Цитату?

– Вроде того.

– Подожди... Готово, диктуй.

Сервас повторил фразу.

– Это что, вопрос из телевикторины? – пошутил Венсан. – Ага... Скажи-ка, разве не ты учился на филологическом?

– Не зли меня.

– Виктор Гюго.

– Что?

– Цитата. Из Виктора Гюго. Объяснишь, что к чему?

– Позже.

Он закрыл мобильник. Виктор Гюго... Неужели это совпадение? В оставленной на видном месте тетради Клер Дьемар сделана одна-единственная запись. О *враге*... О Юго? Сервас не забывал, что речь идет о Марсаке – университетском городке, как подчеркнул Франсис. Он сравнил Марсак с шекспировским Эльсинором, тем местом, где умели хранить тайну и соблюдать молчание и знали толк в злословии, где удар кинжалом в спину наносили с невероятным изяществом и утонченностью – и где любое прямое обвинение считалось самой непростительной бестактностью. Он помнил, что имеет дело с эрудитами, людьми, обожающими загадки и аллюзии. Скрытые смыслы, тонкую изворотливость – даже в подобных, драматических, обстоятельствах. Фраза появилась в тетради не случайно.

Возможно ли, что Клер назвала – не назвала, намекнула! – имя своего *врага* и даже будущего убийцы?

14

Вернувшись в контору, Сервас направился в кабинет Эсперандье.

– Как мальчишка?

Подчиненный майора снял наушники – он наслаждался песней «Make it Wit Chu» группы «Queen of the Stone Age» – и пожал плечами.

– В порядке. Активности не проявляет. Спросил, нет ли чего почитать. Я предложил ему одну из моих манг²⁰. Он отказался. Кстати, срок действия ордера временного задержания истекает через шесть часов.

– Я знаю. Позвони прокурору. Попроси продлить.

– Основание?

На сей раз плечами пожал Сервас:

– Понятия не имею. Что-нибудь придумаешь. Пошарь в своем мешке с хитростями.

Придя к себе, Мартен несколько минут проверял ящики стола, пока не нашел то, что искал. Номер телефона. Парижский. Сыщик размышлял, глядя на цифры: он давно не звонил по этому номеру и надеялся, что звонить больше не придется, что вся эта история осталась для него в прошлом.

Он взглянул на часы. Набрал номер. Представился, услышав мужской голос.

– Давненько мы не беседовали, – съязвил его собеседник. – Чему обязан такой честью, майор?

Сервас сообщил о том, что случилось накануне, припася диск Малера «на закуску». Он готов был услышать: «И вы побеспокоили меня из-за такой ерунды?» – но реакция оказалась совсем иной.

– Почему вы не позвонили сразу?

– Из-за обычного диска, пусть и найденного на месте преступления? Он наверняка не имеет никакого отношения к делу.

– Место преступления, где вроде бы случайно обнаруживают сына одной из ваших старинных знакомых, потом – и это совершенно логично – в дело вступает тулузская полиция, а жертва – молодая тридцатилетняя женщина, соответствующая профилю других жертв. Венчает дело музыкальный отрывок, звучавший в тот вечер, когда Юлиан убил свою жену. Не смешите меня!

Сервас записал: «Юлиан». Гоняясь за швейцарцем, преследователи сроднились с ним. Сыщик почти не дышал. Собеседник прав. Его мысли пошли в том же направлении, когда накануне вечером он обнаружил диск, но потом отвлекся. Под таким углом зрения элементы дела вызывают беспокойство. Сервас подумал, что парижский коллега хорош – за три секунды ухватил суть.

– Всё как всегда, – вздохнул источник сыщика. – Нас информируют, когда есть время, когда собственное «я» отошло на второй план или когда все следы остыли...

– А у вас есть что-нибудь новое?

– Вам бы хотелось услышать утвердительный ответ, верно? Жаль вас разочаровывать, майор, но мы тонем в информации, она заливает нас мутным потоком, как ливень. Сообщения по большей части настолько нелепы, что мы даже не принимаем их в расчет; на проверку же тех немногих, что заслуживают внимания, уходит пропасть времени и сил. Его видели тут и там. В Париже, Гонконге, Тимбукту... Один свидетель уверен, что он работает маркером в казино Мар-дель-Плата, где каждый вечер играет в бильярд. Другой видел его в аэропорту Барселоны или Дюссельдорфа. Женщина подозревает, что ее любовник – это Гиртман...

²⁰ Манга – разновидность японских комиксов.

По бесконечно усталому голосу собеседника Сервас понял, что тот пребывает в унынии, но тон внезапно изменился, как будто его осенило.

– Речь идет о Тулузе?

– Да, а что?

Ответа не последовало. Мартен услышал, что человек разговаривает с кем-то еще, прикрыв ладонью трубку, так что слов разобрать сыщик не мог. Через несколько секунд их беседа продолжилась:

– Недавно кое-что случилось, майор. Мы выложили его портрет в Интернет, использовали особую программу, чтобы изменить лицо и сделать с десятков разных версий: с бородой и усами, с длинными волосами, короткими волосами, с темными и светлыми волосами, с разными носами и так далее, и тому подобное. Вы понимаете, о чем я. Буду краток: мы получили сотни ответов и изучаем все по очереди. Кропотливая работа... – В голосе снова прозвучала усталость. – Один оказался интересней других: некий тип, владелец заправки на автостраде, утверждает, что *он* заливал у него и покупал газеты. Был на мотоцикле, с крашеными волосами, бородкой и в темных очках, но хозяин заправки категоричен: рост и телосложение соответствуют описанию, как и легкий акцент – возможно, швейцарский. В кои-то веки нам повезло – мы просмотрели записи с камер видеонаблюдения магазина. Заправщик прав: это может быть и *он*, я сказал – *может...*

Кровь застучала в висках Серваса.

– Где находится АЗС? Когда это произошло?

– Две недели назад. А вот это вам понравится, майор: заправочная станция находится рядом с Буа-де-Дур, на А20, к северу от Монтобана.

– Мотоцикл попал на пленку? Номер известен?

– Не знаю, случайность это или умысел, но он поставил мотоцикл вне поля обзора. Мы обнаружили его след на одном из пунктов уплаты дорожной пошлины – южнее, на дороге Париж – Тулуза. Изображение не очень четкое... Что касается номера: у нас есть первые цифры, но мы работаем... Понимаете, почему эта история так важна? Если на мотоцикле приехал Гиртман, значит, он сейчас в вашем секторе.

Ошеломленный Сервас смотрел на результат поиска. Он напечатал слова «ЮЛИАН ГИРТМАН» в Google и получил результат: 1130000 ответов.

Сервас откинулся на спинку кресла и задумался.

После побега швейцарца он выискивал любую информацию о нем, проглядывал газеты, сообщения, бюллетени, сделал десятки звонков, терзал вопросами группу, занимающуюся поисками беглеца, но шли месяцы, сменялись времена года – весна, лето, осень, зима, снова весна... – и он отступился. Перевернул страницу. Это больше не его забота. Занавес. *Exit. Finito.* Он попытался прогнать мысли о Гиртмане.

Сервас перебрал в уме высветившиеся на экране сведения. Он знал, что свобода слова для интернетчиков одна из священных коров – пусть каждый сам фильтрует, отбирает и проявляет критический подход к информации, – но не мог проверить обнаруженные в Сети данные. У швейцарца были тысячи фанатов и десятки прославляющих его сайтов. Некоторые статьи оказались вполне нейтральными: фотографии Гиртмана, сделанные на процессе и в других местах (явно краденые): до процесса, в обществе очаровательной супруги – той самой женщины, которую он казнил в подвале на электрическом стуле, как и ее любовника, предвзвительно заставив их раздеться и облив шампанским. Гиртмана сравнивали с другими европейскими серийными убийцами, в том числе с испанцем Хосе Антонио Родригесом Вегой, который изнасиловал и убил как минимум шестнадцать пожилых женщин в возрасте от шестидесяти одного до девяноста трех лет за период с августа 1987-го по апрель 1988-го, и с Иоахимом Кроллом, немецким серийным убийцей и людоедом по прозвищу Рурский Каннибал. На

фотографиях у Гиртмана волевое, тонко очерченное, чуть суровое лицо с правильными чертами и напряженным взглядом, и он совершенно не похож на бледного усталого человека, которого Сервас увидел в Институте Варнье, когда пришел к нему в камеру.

Мартену было легко связать с этим лицом голос – глубокий, приятный, хорошо поставленный. Голос актера, трибуна... Голос человека, привыкшего иметь власть и выступать в суде.

Мог он связать с Гиртманом и размытые лица сорока женщин, молодых и не очень, исчезнувших за двадцать пять лет. Никто никогда не найдет и следа несчастных, хотя их имена и некоторые другие детали фигурируют в блокнотах бывшего прокурора. Сообщество родителей жертв требовало любой ценой заставить Гиртмана говорить. Как? Введя пентотал натрия? С помощью гипноза? Или пыток? Эмоциональные завсегдатаи Сети обсуждали все варианты, предлагая в том числе послать Гиртмана в Гуантанамо или закопать на солнцепеке, обмазать голову медом и отдать на съедение рыжим муравьям.

Мартен знал, что Гиртман не заговорит. И в тюрьме, и на свободе он имел над этими семьями такую власть, какая не снилась ни одному грозному богу. Он был их вечным мучителем. Их кошмаром. И эта роль ему нравилась. Швейцарец, как и все законченные психопаты-извращенцы, отличался полным отсутствием угрызений совести и чувства вины. Он мог бы сломаться под пыткой электричеством, утоплением или если бы с ним делали то, что японцы делали с китайцами в 1937-м, но шансов на то, что этот человек заговорит в камере или в палате психиатрической клиники (конечно, если его поймают, в чем Сервас сильно сомневался), не было ни малейших.

ARE YOU READY?²¹

Сервас вздрогнул от неожиданности.

Эта фраза высветилась на экране.

На короткое мгновение он решил, что Гиртман каким-то образом подключился к его компьютеру.

Потом он понял, что случайно вошел на один из многочисленных сайтов, фигурирующих в списке. Фраза исчезла, и на экране появилось изображение плотной толпы и концертной сцены в ярком свете прожекторов. К микрофону подошел певец – он был в темных очках, несмотря на ночное время, – и обратился к толпе, которая начала скандировать имя убийцы. Сервас не поверил своим ушам, сердце едва не выскочило из груди.

Три следующих сайта содержали только информационные ссылки, два других были посвящены серийным убийцам. На четырнадцати форумах, куда Сервас решил не заходить, посетители то и дело упоминали имя швейцарца. А вот следующий заголовок немедленно привлек внимание сыщика:

В Пиренеях снимают «Долину Повешенных».

Он еще раз нажал на ввод и заметил, что у него дрожит рука. Дочитав, Сервас оттолкнулся в кресле от стола. Закрыв глаза. Сделал глубокий вдох.

Из прочитанного он уяснил одно: фильм начнут снимать будущей зимой. Сценарий написан на основе его расследования в Пиренеях и – главное – бегства швейцарца из Института Варнье. Имена, конечно, изменены, но посыл более чем прозрачен. Двум известнейшим артистам предложены роли серийного убийцы и *комиссара* (sic²²). Серваса затошнило. Вот оно, современное общество массового потребления: все на продажу, нездоровое любопытство...

²¹ Вы готовы? (англ.)

²² Sic – латинское слово, обозначающее «так», «таким образом», «именно так».

Как тут не вспомнить фразу Дебора: «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение *спектаклей*»²³. Провидческое высказывание, сделанное сорок лет назад...

Он чувствовал не только гнев – его пугала вся эта суета. Никто не знает, где сейчас швейцарец. Что он замышляет? Сервас подумал, что Юлиан Алоиз Гиртман может быть в Канберре, на Камчатке, в Пунта-Аренас или в киберкафе на углу соседней улицы. Сыщик вспомнил бегство Ивана Колонны²⁴. СМИ, полиция, антитеррористические подразделения искали его в Южной Америке, в Австралии, повсюду – а корсиканец прятался в овчарне, в тридцати километрах от места преступления, за которое его разыскивали.

Неужели Гиртман в Тулузе?

Больше миллиона жителей вместе с пригородами. Пестрое население. Клубок судеб, личных драм, неосознанных коллективных побуждений. Улицы, площади, автострады, объездные дороги, транспортные развязки, железнодорожные ветки. Десятки национальностей – французы, англичане, немцы, испанцы, итальянцы, алжирцы, ливанцы, турки, курды, китайцы, бразильцы, афганцы, малийцы, кенийцы, тунисцы, руандийцы, армяне...

Где спрятать дерево? В лесу...

Он нашел ее номер в справочнике. В *красном списке*²⁵ она не фигурировала, но имени тоже не было, только инициал – *М. Бохановски*. Сервас не сразу решился набрать номер. Она ответила на второй звонок.

– Слушаю...

– Это Мартен. – Он сделал секундную паузу. – Мы можем увидеться? Я должен задать тебе несколько вопросов... о Юго.

В трубке повисло молчание.

– Я хочу, чтобы ты сказал мне правду – немедленно, сейчас: думаешь, это он? Полагаешь, мой сын виновен? – Голос дрожал, напряженный и ломкий, как шелковистая нить паутины.

– Не по телефону, – ответил Сервас. – Скажу только, что все сильнее сомневаюсь в его виновности. Я знаю, что тебе невыносимо трудно, но мы должны поговорить. Я могу быть в Марсаке часа через полтора. Согласна или отложим до завтра?

Он понял, что она размышляет, решил не торопить ее, потом сказал:

– Марианна?

– Прости, задумалась... Почему бы тебе не остаться на ужин? Я успею что-нибудь приготовить.

– Буду с тобой откровенен, Марианна. Я веду расследование и не уверен, что...

– Да ладно тебе, Мартен, ты не обязан оповещать о нашей встрече всех и каждого. Ты сможешь задать все интересующие тебя вопросы. После двух бокалов вина я становлюсь куда разговорчивей.

Неудачная попытка разрядить обстановку...

– Знаю, – буркнул Сервас и сразу пожалел о своих словах: он не собирался ворошить прошлое и еще меньше хотел, чтобы она решила, будто он руководствуется какими-то иными, кроме профессиональных, соображениями, особенно сейчас.

Сервас поблагодарил Марианну, нажал на кнопку и взглянул на высветившийся адрес: *Домен дю Лак, 5*. Он не забыл географию местности. Марианна жила на западе Марсака, на северном берегу маленького озера, где стояли самые роскошные виллы. Они носили гор-

²³ Перевод с французского Болеслава Немана.

²⁴ Корсиканский сепаратист, осужденный пожизненно за убийство префекта Корсики в 1998 году.

²⁵ Некоторые абоненты во Франции предпочитают не публиковать свои данные в телефонной книге. За это взимается дополнительная плата, и имя абонента заносится в так называемый «красный список».

дые имена «Бельведер», «Ле Мюи», «Антигона» и были окружены просторными лужайками, плавно спускающимися к понтону с пришвартованными швертботами и небольшими моторными лодками. Летом дети богачей учились кататься на водных лыжах и ходить под парусом. Их родители работали в Тулузе и занимали ответственные посты в авиационной электронной промышленности и местном университете. Забавное совпадение: остальные обитатели Марса окрестили этот райский уголок «Маленькой Швейцарией».

В кармане Серваса зажужжал мобильник. Марго.

– Что это за история с курением? – спросила она. – Почему ты об этом спрашиваешь?

– Нет времени объяснять. Так он курит или нет?

– Нет. Я никогда не видела его с сигаретой.

– Спасибо. Я тебе перезвоню.

У него было несколько часов в запасе. Нужно хоть немного поспать. Нет, не получится. Все мысли заняты Гиртманом.

15. Северный берег

В двадцать часов три минуты он приехал на берег озера, где на сваях, на зеленой воде, стоял ресторан – кафе – концертный зал «Ле Зик». Восточный берег. Сервас обогнул его и поехал на северную сторону. Марсакское озеро имело форму косточки или собачьего печенья и простиралось на семь километров в длину в направлении с востока на запад. Большую его часть обрамлял густой лес. Урбанизировали только восточную зону. Впрочем, «урбанизировали» – громко сказано: каждая вилла имела идеальные пропорции, внушительные размеры и стояла на участке площадью от трех до пяти тысяч квадратных метров. Нужный ему дом был последним на северном берегу и стоял прямо перед лесом и центральной частью – там, где озеро сужалось, чтобы потом снова расшириться. Дому было лет сто, не меньше: островерхие крыши с коньком, балконы, каминные трубы, увитые диким виноградом стены. «Такой дом слишком велик для матери и сына, его непросто содержать», – подумал Сервас, двигаясь по посыпанной гравием аллее, обсаженной высокими елями. Он поднялся по ступеням крыльца, услышал, что Марианна зовет его, и прошел через комнаты на террасу.

Капли дождя создавали рябь на поверхности озера. Голубые зимородки стремительно пролетали над водой, ныряли и тут же появлялись снова с добычей в клюве и в ожерелье из капелек воды. Слева, над другими владениями, виднелись крыши Марсака и колокольня в завитках тумана. Напротив, на другом берегу, стояла темная стена леса и то, что местные жители помпезно именовали Горой: скалистый массив, возвышающийся на несколько десятков метров над поверхностью воды.

Марианна накрывала на стол. Он на мгновение затаился в тени, чтобы понаблюдать за ней. Марианна надела платье цвета хаки на пуговицах в стиле милитари с двумя кармашками на груди и тонким кожаным плетеным ремешком. Сервас заметил и голые загорелые ноги, и отсутствие украшений. Марианна едва тронула губы помадой и расстегнула верхнюю пуговицу. Из-за жары.

– Чертова погода, – пожаловалась она. – Но мы не поддадимся, правда?

Ее голос прозвучал глухо, как пустая жестянка, а в тоне не было убежденности. Когда она поцеловала его в щеку, он неосознанно вдохнул ее аромат.

– Вот, держи.

Марианна взяла у него из рук бутылку и поставила на стол, едва взглянув на этикетку.

– Штопор там, – сказала она, заметив, что он застыл в растерянности.

Женщина исчезла в доме, а Сервас спросил себя, не совершил ли ошибку, согласившись прийти на ужин. Он знал, что ему здесь не место, что коротышка-адвокат с цепким взглядом не преминет этим воспользоваться, если Юго признают виновным. Кроме того, расследование занимало все его мысли, так что переключиться на разговор о посторонних предметах будет непросто. Он должен был бы допросить Марианну по всей форме, соблюдая процедуру, но не устоял перед искушением. После всех этих лет... Интересно, Марианна осознавала, что делает, когда приглашала его? Сервас, сам не зная почему, инстинктивно насторожился.

– Почему?

– Почему что?

– Почему ты ни разу не приехал?

– Не знаю.

– За двадцать лет ты не прислал ни открытки, ни электронного письма, ни эсэмэс и не позвонил.

– Двадцать лет назад эсэмэс не было.

– Неправильный ответ, господин полицейский.

- Сожалею.
- Этот ответ еще хуже.
- Это не ответ.
- Конечно, ответ.
- Не знаю... это... было давно...
- Ложь во спасение все равно ложь.

Они помолчали.

- Не спрашивай, – наконец сказал он.
- Почему? Я тебе писала. Много раз. Ты не отвечал.

Марианна смотрела на Серваса мерцающими, изменчиво-зелеными глазами. Как когда-то.

- Дело в нас с Франсисом?

Он снова промолчал.

- Отвечай.

Сервас взглянул ей в глаза, но не проронил ни слова.

– Я права... Черт бы тебя побрал, Мартен!.. Ты молчал столько лет из-за нас с Франсисом?

- Может быть.
- Ты не уверен?
- Конечно, уверен. Какое это теперь имеет значение?
- Ты хотел нас наказать.
- Нет – перевернуть страницу. Забыть. И мне это удалось.
- Неужели? Как звали ту студенточку, с которой ты познакомился после меня?
- Александра. Я на ней женился. А потом развелся.

Странно бывает вот так вдруг осознать, что описание собственной жизни укладывается в несколько фраз. Странно и депрессивно.

- А сейчас у тебя кто-то есть?

– Нет.

Еще одна пауза.

– Теперь понятно, почему ты ведешь себя как неотесанный грубиян, – попыталась пошутить Марианна. – Ты похож на старого холостяка, Мартен Сервас.

Она произнесла это делано-легкомысленным тоном, и Сервас был благодарен ей за попытку разрядить обстановку. Вечерний сумрак убаюкивал их, вино расслабляло.

– Мне страшно, Мартен, – вдруг призналась она. – Я в ужасе, умираю от страха... Поговори со мной о моем мальчике. Вы выдвинете против него обвинение?

Голос Марианны сорвался. Сервас видел страх в ее глазах и муку на лице. Он понял, что она с самого начала хотела говорить только об этом. Все остальное ее не волновало. Он попытался найти верный тон.

- Если он предстанет перед судьей сегодня, это более чем вероятно.

– Но ты сказал мне по телефону, что у тебя есть сомнения. – В голосе женщины прозвучала отчаянная мольба.

– Об этом пока рано говорить, но мне нужно кое-что прояснить, – ответил Сервас. – А пока... я не хочу подавать тебе ложную надежду.

- Спрашивай.

– Юго курит?

– Бросил несколько месяцев назад. Почему ты спрашиваешь?

– Ты знала Клер Дьемар.

Это был не вопрос – утверждение.

– Мы дружили. Нет, не так – приятельствовали. Она жила в Марсаке одна, я тоже. Ты понимаешь, что я имею в виду.

– Клер рассказывала тебе о своей личной жизни?

– Нет.

– Но ты что-нибудь знала?

– Да. Конечно. Я, в отличие от тебя, не уезжала из Марсака. Я знаю всех, и все знают меня.

– Что именно тебе известно?

– Слухи... О ее личной жизни.

– Какого рода?

Сервас видел, что Марианна колеблется. Когда-то она терпеть не могла сплетни. Но сейчас на кону была судьба ее сына.

– Болтали, что Клер коллекционирует мужчин. Использует их и выбрасывает, как одноразовые салфетки, и ее это забавляет. Что она разбила несколько сердец.

Сервас посмотрел на Марианну. Подумал о сообщениях в компьютере. В них была искренняя любовь – страстная, всепоглощающая, безграничная. Они не укладывались в нарисованный Марианной портрет Клер.

– При всех обстоятельствах она умела хранить тайну. А имен я не знаю.

«А ты, – хотелось спросить Сервасу, – как у тебя с этим делом?»

– Имя Тома тебе что-нибудь говорит?

Она затянулась сигаретой. Покачала головой:

– Нет. Ничего.

– Ты уверена?

Она выдохнула дым.

– Абсолютно.

– Клер Дьемар любила классическую музыку?

– Я не понимаю...

Сервас повторил свой вопрос.

– Понятия не имею. Это важно?

– Ты не замечала ничего необычного в последнее время? – Сервас внезапно сменил тему. – Никто не бродил вокруг дома? Не следил за тобой на улице? Что-то – неважно что, – оставившее у тебя смутное ощущение дискомфорта?

Марианна ответила недоуменным взглядом.

– Мы говорим о Клер или обо мне?

– О тебе.

– Тогда нет. А должна была?

– Не знаю... Но если это случится, сразу сообщи мне.

Она помолчала, но взгляд не отвела.

– А ты... – начал он, – расскажи, как жила все эти годы.

– Ты спрашиваешь как легавый?

Он покачал головой:

– Нет.

– Что ты хочешь знать?

– Все... Двадцать минувших лет, Юго, как ты жила с тех пор, как...

Взгляд Марианны затуманился, померк в затухающем свете дня. Она задумалась, перебирая в уме воспоминания. Потом начала рассказывать. Произнесла несколько тщательно взвешенных фраз. Ничего мелодраматичного. Хотя драма имела место. Скрытая, глубинная. Она вышла замуж за Матье Бохановски, одного из членов их детской банды. «Боха...» – изумился Сервас. Тупица и увалень Боха. Боха – верный и чуточку надоедливый друг, бравировавший нескрываемым презрением к девчонкам, набитый всяческой романтической чушью. Боха – и

Марианна, кто бы мог подумать... Против всех ожиданий, Боха оказался добрым, нежным и внимательным. «По-настоящему добрым, Мартен, – подчеркнула Марианна. – Он не притворялся». А еще у него было чувство юмора.

Сервас закурил, ожидая продолжения. Она была счастлива с мужем. Действительно счастлива. Добрый. Невероятно энергичный и простой Матье оказался способен свернуть горы. С его помощью она почти забыла о шрамах, оставленных на душе дуэтом Сервас – ван Акер. «Я любила вас. Вас обоих. Одному богу известно, как сильно я вас любила. Но вы были неприступны, Мартен: ты нес на плечах груз воспоминаний о матери и ненависти к отцу, гнев переполнял твою душу – он никуда не ушел и сегодня, – а Франсиса волновало только его эго». С Матье она обрела покой. Он давал, ничего не требуя взамен. Оказывался рядом всякий раз, когда она в нем нуждалась. Сервас слушал, как Марианна разматывает клубок прожитых лет, – конечно, что-то опуская, о чем-то умалчивая, приукрашивая, но разве не этим занимаемся все мы? В юности ни один из них – и Марианна первая – и сантима не поставил бы на будущее Матье. А он оказался на редкость талантливым в человеческих отношениях и проявил практическую сметку, чего не делал во времена, когда Франсис и Мартен тратили время на разговоры о книгах, музыке, кино и философии. Боха выучился на экономиста, открыл сеть магазинов по продаже компьютеров и довольно скоро и неожиданно для всех разбогател.

Потом родился Юго. Боха – посредственность, увалень, «шестерка» в их банде – получил все, чего может желать мужчина: деньги, признание, первую местную красавицу, семью и сына.

Счастье было слишком полным – так, во всяком случае, считала Марианна, и в памяти Серваса всплыло слово *hybris* – чрезмерность, которую древние греки считали самым страшным грехом. Вина грешника в том, что он хочет получить больше отпущенного ему свыше, за что и навлекает на себя гнев богов. Матье Бохановски погиб, разбился на машине, возвращаясь поздно вечером домой после открытия энного по счету магазина. По городу поползли слухи. Говорили, что уровень алкоголя в крови Матье зашкаливал, что в машине нашли следы кокаина, что он ехал не один, а с хорошенькой секретаршей, которая отделалась несколькими ушибами.

– Наваety, ложь, зависть, – свистящим шепотом произнесла Марианна.

Она сидела в кресле, как птица на ветке, обняв колени руками. Сервас не мог отвести взгляд от этих красивых загорелых ног с синей веной на сгибе.

– Кто-то пустил слух, что Матье разорился, но это неправда. Он вкладывал деньги в страхование жизни и ценные бумаги, но я пошла работать, чтобы не продавать дом. Я декорирую дома для тех, кто лишен вкуса, создаю интернет-сайты для промышленных предприятий и органов местного самоуправления... Не такая уж творческая работа, но все-таки... – Она замолчала, но Сервас понял, что она хотела сказать: «...но это все-таки лучше, чем быть полицейским». – Юго было одиннадцать, когда мы остались вдвоем, я воспитывала его и, по моему, неплохо справилась, – заключила она, загасив очередную сигарету. – Юго невиновен, Мартен... Если ты не поможешь, в тюрьму отправится не просто мой сын, но человек, который не брал греха на душу.

Сервас понял намек. Она никогда его не простит.

– Это зависит не только от меня, – ответил он. – Решать будет судья.

– Но на основании твоих выводов.

– Вернемся к Клер. В Марсаке наверняка были люди, осуждавшие ее образ жизни...

Марианна кивнула:

– Конечно. Пересудов хватало. Обо мне тоже сплетничали после смерти Матье – особенно если я принимала у себя женатых мужчин.

– А ты их принимала?

– Все было совершенно невинно. У меня есть несколько друзей, думаю, Франсис тебе сказал. Они помогли мне справиться с горем. Раньше ты не вел себя как легавый...

Она загасила сигарету в пепельнице.

– Профессиональная испорченность, – пожал плечами Сервас.

Женщина встала.

– Тебе бы следовало хоть иногда переключаться.

Тон был резким, как удар хлыста, но она смягчила остроту ситуации, коснувшись рукой его плеча. Небо нахмурилось, и Марианна зажгла свет на террасе. Заклокотали-заквакали лягушки, вокруг лампы кружились бабочки и мошки, над поверхностью озера расползались языки тумана.

Марианна вернулась с новой бутылкой вина. Сервас не ощущал никакой неловкости, но не мог не думать о том, куда все это заведет их. Он вдруг понял, что неосознанно отслеживает каждое движение Марианны, замороженный ее способом существования в пространстве. Она открыла бутылку и наполнила его бокал. Они больше не нуждались в словах, но Марианна то и дело поглядывала на него из-под белокурой пряди. Сервас почувствовал, что им овладевает забытое чувство: *он хотел эту женщину*. Желание было неистовым, жгучим и не имело ничего общего с их прежней историей. Он хотел именно *эту* женщину, сегодняшнюю, сорокалетнюю Марианну.

Он вернулся домой в 1.10 утра, принял обжигающий душ, чтобы смыть усталость и расслабиться, сел в кресло в гостиной и поставил Четвертую симфонию Малера. Ему нужно было систематизировать и осмыслить полученные за сутки сведения. Сервас иногда спрашивал себя, почему так любит музыку Малера. Причина, скорее всего, в том, что его симфонии – это целые миры, где можно затеряться; в них есть жестокость, насилие, крики, страдания, хаос, бури и мрачные предвестья, с которыми человек сталкивается в реальном мире. Слушать Малера – все равно что следовать по дороге из тьмы к свету и обратно, переходить от безграничной радости к бурям и штормам, раскачивающим утлое суденышко человеческой жизни и жаждущим потопить его. Величайшие дирижеры стремились покорить этот Эверест симфонического искусства, и Сервас собирал исполнительские версии, как другие коллекционируют марки или ракушки: Бернштейн, Фишер-Дискау, Райнер, Кондрашин, Клемперер, Инбал...

Музыка не мешала ему размышлять. Напротив. Ему обязательно нужно было поспать часов пять-шесть, не больше, чтобы восстановить силы, – но мозг даст себе отдых только после того, как Сервас приведет в систему весь массив имеющейся информации и собственных ощущений и определит направление расследования на следующий день.

Завтра воскресенье, но выбора у него нет: нужно собрать группу – срок временного задержания Юго заканчивается через несколько часов. Сервас не сомневался, что судья по предварительному заключению примет во внимание обстоятельства дела и потребует ареста. Марианна будет в отчаянии. А мальчик расстанется в тюрьме с невинностью: несколько дней в крысятнике – и прежнее восприятие мира исчезнет навсегда. Цейтнот будоражил кровь. Мартен взял блокнот с записями и начал резюмировать факты:

- 1) Юго обнаружен сидящим на краю бассейна Клер Дьемар, убитой в собственной ванне.
- 2) Заявляет, что его накачали наркотиками и что он пришел в себя в гостиной жертвы.
- 3) Никаких следов присутствия другого человека.
- 4) Его друг Давид говорит, что он ушел из «Дублинцев» до начала матча Уругвай – Франция, значит, вполне успевал добраться до дома Клер и убить ее. Сказал также, что Юго плохо себя чувствовал: предлог или правда?
- 5) Действительно находился под действием наркотика в тот момент, когда появились жандармы. 2 вероятности: его накачали/он принял сам.
- 6) Окурки. За Клер следили. Юго или кто-то другой? По словам Марго и Марианны, Юго не курит.
- 7) Любимая музыка Гиртмана в плеере.

8) Кто стер сообщения на почте Клер? Зачем это было делать Юго, если свой телефон он оставил в кармане? Кто забрал телефон жертвы?

9) Фраза «Слово «друг» порой лишено смысла, чего не скажешь о слове «враг» указывает на Юго? Важна ли она?

10) Кто такой «Тома 999»?

Сервас подчеркнул два последних вопроса. Постучал карандашом по зубам и перечитал написанное. Эксперты скоро дадут ответ на вопрос № 10, и расследование продвинется. Он медленно перебрал факты, один за другим, и составил хронологию: Юго ушел из пивной незадолго до начала матча между Уругваем и Францией; примерно через полтора часа сосед увидел его сидящим на бортике бассейна Клер Дьемар, вскоре после этого его обнаружили жандармы, у него был блуждающий взгляд, судя по всему, он находился под воздействием какого-то наркотика и алкоголя, а молодая преподавательница лежала мертвой на дне ванны. Парнишка утверждал, что потерял сознание и очнулся в гостиной жертвы.

Майор откинулся назад и задумался. Существовало явное противоречие между спонтанным и случайным характером преступления и тщательно организованной мизансценой. Сыщик вспомнил опутанную веревкой Клер Дьемар в ванне, фонарик у нее в глотке – и ясно осознал: тот, кто это сотворил, не новичок. И явный психопат. То, как все было организовано, напоминает ритуал. А ритуал почти всегда указывает на психопатический склад серийного преступника... «Будущего или состоявшегося?» – спросил себя Сервас. Эта мысль уже приходила ему в голову, когда он увидел труп, но Мартен отмахнулся от нее, ведь серийные убийцы – редкость. Реальная жизнь – это не кино и не триллер, поэтому сотрудники криминальной полиции думают о них в последнюю очередь. Большинство полицейских никогда в глаза не видели серийного убийцу. Гиртман? Нет, невозможно. Тем не менее вопрос № 7 тревожил его сильнее всего. Сервас никак не мог поверить, что швейцарец замешан в деле, это было бы слишком невероятно и означало бы, что Гиртман отлично осведомлен о его жизни и его прошлом. В памяти всплыли слова, сказанные утром парижским собеседником о мотоциклисте на автобане... Ему и в это трудно было поверить. Возможно, члены группы, занимающейся поимкой швейцарца и фактически гонящейся за призраком, начали выдавать желаемое за действительное?

Сервас обошел кухонную стойку, достал из холодильника бутылку пива и открыл балконную дверь. Подошел ближе и посмотрел вниз, на улицу, как будто швейцарец мог стоять где-то там, под дождем, подкарауливая его. Мартен вздрогнул. Улица была пустынна, но сыщик знал, что города по ночам спят впологлаза. В подтверждение его мыслей по улице проехала полицейская машина – *тра-ла, тра-ла, тра-ла*, – пробираясь между стоящими нос к носу автомобилями. Голос сирены затих, растворившись в неумолкаемом городском гуле.

Сервас вернулся в комнату и включил компьютер, чтобы, как всегда делал перед сном, проверить почту. Реклама предлагала ему поездку на поезде по минимальной в Европе цене, дешевые приморские гостиницы, виллы в Испании, встречи для холостяков...

Неожиданно он наткнулся взглядом на сообщение, озаглавленное «Приветствия». У Серваса кровь застыла в жилах. Мейл был от некоего Теодора Адорно.

Сыщик взялся за мышь и открыл письмо:

От: theodor.adorno@hotmail.com

Кому: martin.servaz@infomail.fr

Дата: 12 июня

Тема: *Приветствия*

Вы помните I часть Симфонии № 4 Малера, майор? Bedächtig... Nicht eilen... Recht gemächlich... Отрывок, что звучал, когда вы вошли в мою «комнату» в тот памятный декабрьский день? Я давно собирался написать вам. Удивлены? Вы, без сомнения, поверите, если я скажу, что был очень занят в последнее время. Свободу, как и здоровье, начинаешь ценить, только если был долго лишен ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.